

ISSN 2500-4190

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ
И
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Выпуск 29*2024

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор

Е.Н. Максимова, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Ответственный секретарь

А.Ю. Кентнер, м. н. с., Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакция:

Л.Н. Гарас (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.А. Бармина, канд. филол. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; П.В. Кузенков, канд. ист. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Севастополь, Россия; В.В. Лебединский, канд. ист. наук, Институт Востоковедения РАН. Москва, Россия; А.В. Миронов, д. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.В. Скребец, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Рябцева, д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; О.В. Ярмач, канд. соц. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакционный совет:

В.К. Белозеров, д. полит. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; А.А. Вартумян, д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия; С.И. Грачев, д. полит. н., профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия; А.Ф. Григорьев, д. культурологии, профессор, Ставропольский государственный педагогический институт. Ставрополь, Россия; П.Л. Карабущенко, д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия; Б.Г. Койбаев, д.полит.н., профессор, Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ, Россия; Г.В. Косов, д.полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; И.В. Крючков, д. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия; В.Д. Нечаев, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Р.Г. Резаков, д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия; Р.Х. Усманов, д. полит. наук, профессор, Астраханский государственной университет. Москва, Россия; А.А. Ширинянц, д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

П18 Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; гл. ред. Е. Н. Максимова ; отв. секретарь А. Ю. Кентнер. — 2016 (вып. 1) — . — Севастополь, 2024. — 63 с. : ил. — Вып. 29. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

Гарас Л. Н., Лебедь Н. И.

Интеграция сирийских беженцев в ливанское сообщество: проблемные аспекты 5

Казаков Ю. Ю.

Конфликтный потенциал взаимоотношений ХАМАС и «Исламского джихада» в контексте войны с Израилем 10

Иванов К. В.

Крым, «русская весна» и референдум глазами западных СМИ 15

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Зенькович М. Ю.

Военно-техническое сотрудничество с Сирийской Арабской Республикой с 1991 по 2015 годы как инструмент реализации Россией национальных интересов в регионе Восточного Средиземноморья 21

Стубер В. В.

Международные связи российских регионов: теория и практика 26

Терникова Д. О.

Геополитический статус ФРГ в рамках политики «смены эпох» 30

Толстухина В. В.

Отражение политических мифов во внешней политике Германии 35

Философия религии и религиоведение

Кривонис А. Б., Фирсов А. В., Дзедрович А. Н.

Неоязычество: разоблачение некоторых мифов 41

История философии

Ткаченко Р. В.

Идеализм Джорджа Беркли. На подступах к концепции искусственной реальности 47

Социальная и политическая философия

Данильченко С. Л.

Антисистемный характер рыночной экономики: историко-философский анализ 52

Шавардова Е. Ю.

Интеллектуализация как процесс: социально-философский анализ 59

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

Garas L.N., Lebed N. I.

Integration of Syrian Refugees into the Lebanese Community: Problem Aspects 5

Kazakov Yu. Yu.

The Conflict Potential of the Relationship between HAMAS and Islamic Jihad in the Context of the War with Israel 10

Ivanov K. V.

Crimea, the Russian Spring and the Referendum through the Eyes of the Western Media 15

International Relations, Global and Regional Studies

Zenkovich M. Y.

Military-Technical Cooperation with the Syrian Arab Republic from 1991 to 2015 as a Tool for Implementation of Russian National Interests in the Eastern Mediterranean Region 21

Stuber V. V.

International Relations of Russian Regions: Theory and Practice 26

Ternikova D. O.

The Geopolitical Status of Germany in the Framework of the "Change of Epochs" Policy 30

Tolstukhina V. V.

Reflection of Political Myths in German Foreign Policy 35

Philosophy of Religion and Religious Studies

Krivonis A. B., Firsov A. V., Dzedrovich A. N.

Neoeathenism: Exposing Some Myths 41

The History of Philosophy

Tkachenko R. V.

George Berkeley Idealism. A Precursor to the Virtual Reality Concept 47

Social and Political Philosophy

Danilchenko S. L.

Anti-System Character of Market Economy: Historical and Philosophical Analysis 52

Shavardova E. Yu.

Intellectualization as a Process: Social and Philosophical Analysis 59

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323(569.3):314.151.3-054.73(569.1)

В статье рассматривается влияние миграционного вызова (сирийские беженцы) на ситуацию в ливанском государстве и обществе. Отмечается, что проблема беженцев в Ливане носит многоплановый характер. Подчеркивается, что сирийские беженцы мало интегрированы в принимающее сообщество, напротив, и государством, и обществом, они воспринимаются преимущественно в качестве угрозы.

Ключевые слова: сирийские беженцы, политический конфессионализм, миграционная политика, Ливан, интеграция, ливанское сообщество.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Н. И. Лебедь, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: dia.lebed@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ СИРИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЛИВАНСКИЕ СООБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Кризисная неустойчивость общественно-политического развития выступает одним из наиболее значимых современных трендов глобального мира. Политические трансформации в ряде стран, распространение терроризма, экстремизма, национальной и расовой неприязни, усиление уровня конфликтности, природные метаморфозы и многое другое актуализируют проблему массовой миграции и беженцев.

Страной, испытавшей крупнейший в мире кризис перемещения, является Сирия. Триггером подобного «миграционного исхода» стали разрозненные антиправительственные выступления в марте 2011 г., которые начались на волне «арабской весны» и первоначально сопровождались риторикой о свободе, равенстве и справедливости, но уже к лету переросли в полномасштабный стремительно радикализирующийся и архаизирующийся вооруженный конфликт. Это привело к тому, что, согласно данным агентства ООН по делам беженцев, более 13 млн. сирийцев стали либо внутренне перемещенными лицами, либо бежали из страны [1]. Страна приема сирийских беженцев стали соседние и близлежащие. При этом самое большое число сирийских беженцев на душу населения принимает Ливан [7], для которого данная проблема становится вызовом и угрозой хрупкой стабильности общества и государства.

Изученность проблемы. Проблематика вынужденной миграции анализируется как в трудах зарубежных, так и отечественных исследователей: Ж. А. Зайончковской, Г. П. Витковской, К. Лонг, Дж. Триггс и др. Первоначально ключевое внимание уделялось правовому положению беженцев, позже – добавляются вопросы социально-экономического и политического плана.

Отдельные аспекты социально-политических эффектов вынужденной миграции нашли свое отражение в ряде публикаций, принадлежащих В. А. Лукову, С. С. Нагдалиеву, М. В. Савве и др. В исследованиях Л. М. Дробижевой, Л. Б. Карачуриной, Т. С. Кондратьевой, Г. У. Солдатовой, Т. Ф. Сусловой и др. рассматриваются проблемы, связанные с адаптационными процессами и включенностью мигрантов в социокультурную среду страны-реципиента.

Е. С. Мелкумян, Дж. Нассар, Р. Сааб, Е. М. Савичева, А. В. Сарабьев, Н. Стел, М. Тинас, Ч. Харб, Н. Эстриани и другие анализируют проблему сирийских беженцев и ее эффекты в Ливанской Республике.

Цель статьи – анализ особенностей интеграции сирийских беженцев в ливанское сообщество.

По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, свыше 6,5 млн. человек [8] покинули территорию Сирии, после начала гражданской войны в 2011 году. На 2015 год основная часть сирийских беженцев размещена в соседних странах: Ливане (около 1,2 млн. человек), Иордании (около 650 000), Ираке (около 250 000), Турции (около 1,9 млн.) и лишь немногим более 10% отправились в Европу [8]. На государства с высоким уровнем экономического развития приходится сравнительно незначительная часть потока беженцев, в то время как существенная доля сирийцев осталась в странах «Юга». По словам Верховного комиссара ООН по делам беженцев Ф. Гранди: «85 % беженцев нашли приют именно в бедных странах. Несмотря на постоянно звучащую риторику, основное бремя несут именно бедные государства, а не богатые, как думают многие» [5]. 73 % вынужденных переселенцев находят приют в соседних государствах, а не стремятся уехать в поисках лучшей жизни в страны «Севера». Поэтому беженцы создают существенную нагрузку на соседние страны-реципиенты, зачастую с невысоким уровнем экономического развития и проблемами далекими от решения в иных сферах жизни общества.

Присутствие сирийцев в Ливане не является новым феноменом. Исторически сложилось так, что связи между Ливаном и Сирией до 1926 года были более чем тесные, так как это была единая территория и границы оставались относительно открытыми. Поэтому сирийские рабочие беспрепятственно на протяжении многих лет приезжали в Ливан на заработки, работая в таких отраслях, как сельское хозяйство и строительство. В Ливане находится также немало сирийских семей из среднего и высшего классов, некоторые из которых прибыли в период «объединения» Египта и Сирии (1958-1961 гг.), натурализовались и остались в стране.

В начале 90-х годов XX века после окончания ливанской войны наблюдался миграционный приток сирийцев в страну. В этот период немало сирийцев устремилось в поисках заработка в Бейрут, работая преимущественно на стройке, в тяжелых условиях, и ливанские законы на них не распространялись, будь то на уровне заработной платы, социальных гарантий, жилья или в случае какого-либо несчастного случая.

В 2011 г. происходит массовый исход людей из Сирии, которых насчитывается свыше 1 млн. чел. Кто-то из беженцев направлялся транзитом дальше в Европу, на Ближний Восток или Средиземноморье, а большая часть осталась в Ливане. Ввиду стремительности и волнообразности вынужденной сирийской миграции, оценить количественный показатель беженцев, находящихся на территории Ливана на момент 2020-х годов, является весьма затруднительным. Так, по состоянию на 2019 год, по оценкам правительства Ливана, в стране проживало 1,5 млн. сирийцев, бежавших от конфликта (в том числе 918 874 человека, зарегистрированных в качестве беженцев в УВКБ ООН), а также 27 700 палестинских беженцев из Сирии и 180 000 палестинских беженцев из Ливана, проживающих в 12 лагерях и 156 импровизированных лагерях [11]. Среди беженцев более половины составляют дети и подростки в возрасте до 18 лет, при этом более 3 700 детей-беженцев в Ливане не имеют родителей или других родственников.

Если до сирийского кризиса в наибольшей помощи нуждались иракские и палестинские беженцы, то после – «помощи» требуют сирийские. Наплыв сирийских беженцев увеличил нагрузку на социальные объекты, слабую инфраструктуру страны, образование, обострив экономические и политические проблемы в стране приема.

В Ливане миграционный вопрос остро воспринимается властью, поскольку уникальность политической системы проявляется в проецировании религиозной специфики на политическую сферу, что находит законодательное закрепление и отражается на системе распределения государственных постов [2, с. 211]. Политический конфессионализм подразумевает реализацию конфессионального принципа с целью соблюдения баланса между представителями различных религиозных общин при распределении высших государственных постов. А именно: президентом республики должен быть христианин-маронит (отклонение от данного принципа случается крайне редко), глава правительства – мусульманин-суннит, председатель парламента – мусульманин-шиит. Именно таким образом обеспечивается «справедливое» представительство общин в государственном аппарате [2, с. 212]. Ливан в арабском регионе представляет собой уникальный пример страны с мусульманским большинством, где пост президента – сохраняют за собой христиане.

Отметим, что огромные массы беженцев, преимущественно последователей ислама, устремились в Ливан, где начиная с 1970-х гг. и так происходил рост исламского населения, что вызывало опасение внутренних волнений на религиозно-политической почве. Беженцы из Сирии обострили и без того серьезную проблему, так как удерживать вместе такое раздробленное и перманентно конфликтующее общество как ливанское – непомерно сложная задача. Миграционные изменения поставили под сомнение устойчивость подобной модели государства.

Власти Ливана стремятся не допустить социально-политической дестабилизации страны. Ливанские власти придерживаются позиции, что Ливан не является страной для беженцев и отказывается принимать их.

Следует отметить, что формирование международного законодательства по правам беженцев и трактовка содержания самого понятия «беженец» в международных документах присутствовали и в договорах и соглашениях, заключенных под эгидой Лиги Наций. Однако, создание ООН и реалии поствоенного мира обусловили необходимость формирования универсального и всеобъемлющего определения данного феномена. Так, согласно положениям Женевской Конвенции о статусе беженца 1951 года, с подобным статусом признается лицо, «которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [4].

Конвенция о беженцах устанавливает не только права и обязанности беженцев, но и гарантирует некоторые основные свободы, такие как свобода вероисповедания, доступ к суду, свободное передвижение и выбор места проживания, право на работу и другие. Примечательно, что при этом в Конвенции отсутствует положение касательно предоставления «права на убежище». Статьи документа также запрещают выдворение беженца в страну, где ему грозит преследование (принцип non-refoulement), являющийся основой для защиты их прав в соответствии с международным законодательством. Вместе с тем, Конвенция обязывает беженцев соблюдать законы принимающей страны и устанавливает необходимость подтверждать обоснованность опасений, касающихся угрозы их преследования [4].

Подчеркнем, что Ливан не подписал и не ратифицировал Конвенцию ООН о статусе беженцев 1951 года, Конвенцию ООН о статусе апатридов 1954 года, Конвенцию ООН о сокращении состояния безгражданства 1961 года, Протокол ООН 1967 года, касающийся статуса беженцев. То есть общепринятые международно-правовые нормы в отношении статуса беженцев не являются обязательными для властей Ливана, что существенно осложняет положение беженцев в стране, так как они с точки зрения правительства не могут рассчитывать на убежище и защиту.

Ключевым аспектом миграционной политики Ливана является отказ от предоставления официальных лагерей для беженцев. С 1970-х гг. данная практика применялась к палестинским беженцам, которых по данным ливанских властей было около 450 тыс. человек. Палестинцы имели большие ограничения, живя в этих лагерях. Их статус не позволял полноценно работать во всех сферах экономики, передвигаться по стране и приобретать недвижимость в стране. С 2011 г. данная практика активно применяется к сирийским беженцам, но разница лишь в том, что сирийцев значительно больше, что вынуждает всячески ограничивать распространение таких образований, путем ущемления и разгона лагерей национальной армией.

Волнообразная динамика сирийской миграции обуславливает принятие правительством Ливана жестких мер реагирования, при этом, протекающий параллельно экономический кризис (в марте 2020 года объявлен дефолт) [13, р. 194] ставит под удар мигрантов, в которых видится «корень проблемы». Власти стремятся всеми силами сдерживать рост числа беженцев, проводя в отношении сирийцев так называемую «ограничительную» политику. Так, правительство вводит ограничительные меры на въезд, ограничения на повторный въезд и сроки пребывания в стране и т. п., обязует местные власти «не допустить проживание в одной квартире более одной сирийской семьи» [10]. Непреодолимые сложности мигрантов связаны также с трудоустройством, здравоохранением, получением образования и доступа к другим социально значимым благам.

Большинство сирийцев в Ливане в настоящее время не имеют вида на жительство. Власти страны ввели запрет на строительство постоянного жилья из камня или бетона в импровизированных лагерях для беженцев. Отсутствие доступа к жилью лишь усугубляет маргинализацию и создает новые проблемы.

У сирийцев существенные финансовые проблемы. Согласно данным на 2018 год, беженцам предоставлялась ежемесячная денежная помощь в размере 175 долларов США. И это лишь беднейшим домохозяйствам, тем, кто не в состоянии покрыть свои основные потребности: еда, лекарства и арендная плата, а также тем, члены семей которых страдают от серьезных проблем со здоровьем или являются инвалидами. Однако помощь подобного рода постепенно сокращается, круг претендентов на помощь сужается.

Заработная плата и возможности трудоустройства сильно различаются от региона к региону. По данным УВКБ ООН, сирийский рабочий зарабатывает в среднем чуть более 200 долларов в месяц (сирийские женщины зарабатывают в среднем 92 доллара США), в то время как минимальная заработная плата для ливанцев составляет 450 долларов США [12]. Многие сирийцы работают в неформально, в силу чего имеют нестабильный доход и попадают в существенную зависимость от работодателя. Данные обстоятельства вынуждают работать детей, что приводит к росту числа тех, кто бросил школу. Согласно данным, около 500 000 сирийских детей, зарегистрированных в Ливане, находятся в возрасте от 3 до 17 лет. Половина из них, более 250 000 человек, не посещают школу. Наибольший процент детей, бросивших школу, приходится на регион Бекаа, где 78% детей не посещают школу [11]. Правовая, социальная и экономическая уязвимость беженцев привела к росту насилия в отношении детей и женщин, эксплуатации детей в наихудших формах труда и торговле людьми. Домашнее насилие также возросло в результате того, что люди заперты в своих домах, и им не разрешается подавать жалобы на домогательства или эксплуатацию.

Конечно, приток большого количества беженцев существенно влияет на социально-экономическое благополучие населения. Большинство сирийцев вынуждены оставаться в ряде беднейших районов (Бекаа, Аккар и др.), что порождает напряженность между сирийскими беженцами и гражданами Ливана, вынужденных конкурировать за одни и те же ресурсы и услуги. Данное обстоятельство порождает негативное отношение к беженцам, которых считают виновными в существенном снижении качества жизни.

Согласно социологическим опросам, большинство местного населения не доверяют сирийцам, относятся с особой подозрительностью, независимо от религиозных убеждений, не хотят видеть сирийцев близкими соседями, 82% ливанцев не хотели бы вступить в брак с сирийцем. Иногда присутствуют и радикальные проявления нетерпимости к беженцам. Так, 27 декабря 2020 года в поселке Аль-Минья на севере Ливана несколько ливанцев подожгли лагерь сирийцев (около 100 палаток), что привело к перемещению сотен человек [14].

Сложившаяся ситуация носит взрывоопасный характер и демонстрирует однозначную социальную накаленность в ливанском обществе. Налицо низкий уровень интеграции сирийцев в ливанское общество, беженцы считаются людьми «второго сорта» [6, с. 122] и угрозой безопасности в стране. Так, по заявлению министра внутренних дел временного правительства Ливана Бассам Мавлави на момент июня 2023 г., сирийские беженцы ответственны за 30% различных преступлений в стране, и несут угрозу государственной безопасности. Меры, которые применяет ливанское правительство в отношении сирийцев, такие как депортация, комендантский час, рейды в их лагеря и аресты, делают жизнь многих беженцев невыносимой и вынуждают, хотя и немногих, возвращаться в Сирию. В среде беженцев нередко получают распространение радикальные идеи различных экстремистских и террористических группировок, которые пытаются раскачать и так нестабильную обстановку.

Специфика политики государства в отношении беженцев и подобное «неприятие» принимающего сообщества, выступая препятствием адаптации и тем более интеграции, подталкивает беженцев к социальной изолированности, формированию «своего круга» в целях защиты от дискриминации, стремлении компенсировать некую «неполноценность» и необходимость коммуникации. Защитной реакцией становится закрытость и анклавизация.

Следует отметить, что ливанские власти призывают мировое сообщество обратить внимание на сложившуюся ситуацию в их стране для сохранения государства и стабилизации обстановки. В целях урегулирования сложившейся ситуации, государство тесно сотрудничает с европейскими странами и международными организациями, которые в той или иной мере помогают в решении ряда проблем. С 2011 г. Европейский союз предоставлял гуманитарную помощь и помощь, оказываемую в целях развития для аутсорсинга управления потоками беженцев, отправив Ливану более 2,3 млрд евро. Франция и Великобритания потратили 1,6 млрд долларов на финансирование сферы безопасности Ливана [3]. В свою очередь ООН играет роль посредника между Ливаном и Сирией, а также финансово помогает сирийским беженцам.

Однако, в настоящее время помощь от европейских стран не покрывает расходов Ливана, затрачиваемых на попытку урегулирования миграционного кризиса. Подобная ситуация катализирует процессы нелегальной миграции, обуславливая вектор направленности: из Ливана в страны ЕС. Так, сирийские беженцы стремятся переместиться на Кипр, что вынуждает власти острова обращаться к Европейской комиссии за помощью в решении проблемы [9]. Закономерно, что обеспокоенность и стремление пресечь миграцию в сторону ЕС также выражает Греция, которая, при стечении обстоятельств может столкнуться с очередным потоком мигрантов.

Таким образом, проблема беженцев в Ливанской Республике носит многоплановый характер. Сегодня у сирийских беженцев весьма слабые перспективы интеграции в принимающее общество. Сирийские беженцы становятся для Ливана в некотором роде триггером роста социальной напряженности и усиления экономической нестабильности, способствуют возрастанию межэтнических и межконфессиональных противоречий. На фоне экономического кризиса они воспринимаются в качестве угрозы, способной нарушить и без того хрупкий баланс многосоставного ливанского общества и специфику его политического представительства.

Список литературы

1. Агентство ООН по делам беженцев: Многие сирийцы находятся на грани выживания из-за последствий вооруженного конфликта. — URL: <https://www.unhcr.org/ru/28489-11-years-of-conflict-in-syria.html> (дата обращения: 18.03.2024).
2. Гарас, Л. Н. Конфессиональный фактор в социально-политических процессах Ливанской республики / Л. Н. Гарас // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества: Сборник статей участников IV Национальной научно-практической конференции, Феодосия, 17 февраля 2022 года / Редколлегия: Е.П. Губанов [и др.]. — Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2022. С. 210-214.
3. Как ЕС перенес миграционный кризис в Ливан // Вестник Кавказа. — URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/kak-es-perenes-migracionnyj-krizis-v-livan.html?ysclid=l-s7d5ysvd364979046> (дата обращения: 25.03.2024).
4. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 года). — URL: https://13.мвд.рф/upload/site17/document_file/konvencia_o_bej.pdf (дата обращения: 13.03.2024).
5. ООН: за десять лет число людей, вынужденных покинуть свои дома, удвоилось. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/06/1380352> (дата обращения: 25.03.2024).
6. Савичева, Е. М. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы / Е. М. Савичева, К. А. Каур // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 60. — С. 120-124.
7. УВКБ ООН. 2021. — URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria/location/71>, апрель 2021. (дата обращения: 13.03.2024).
8. УВКБ ООН. Тенденции УВКБ ООН в середине 2015 года. 2015. — URL: <http://www.unhcr.org/56701b969.html> (дата обращения: 13.03.2024).
9. Cyprus asks the European Commission to mediate with Lebanon to prevent migrants from leaving its shores. — URL: <https://arabic.rt.com/world/1552778> — لبنان-لمنع -- قيرص-تطلب-من-المفوضية-الأوروبية-التوسط-لدى-لبنان- (дата обращения: 22.03.2024).
10. Lebanese Interior Minister announces new measures to "reduce the presence of Syrian migrants" in Lebanon. — URL: <https://www.infomigrants.net/ar/post/52346/> — اجراءات-جديدة-للحد-وزير-الداخلية-اللبناني-يعلن-عن- (дата обращения: 10.03.2024).
11. Lebanon Crisis Response Plan 2017-2020 (2020 update). — URL: <https://reliefweb.int/report/lebanon/lebanon-crisis-response-plan-2017-2020-2020-update> (дата обращения: 13.03.2024).
12. Lebanon. A Hateful Crusade against Syrian and Palestinian Refugees. — URL: <https://orientxxi.info/magazine/lebanon-a-hateful-crusade-against-syrian-and-palestinian-refugees> (дата обращения: 13.03.2024).
13. Maksimova, E. N. The crisis of Lebanon's political system in a dysfunctional context / E. N. Maksimova, E. E. Ryabtseva // Modern Science and Innovations. — 2022. — No. 2(38). — P. 191-197. — DOI 10.37493/2307-910X.2022.2.19.
14. SANA: Fire breaks out at Syrian refugee camp in Lebanon. — URL: <https://sana.sy/ru/?p=267447> (дата обращения: 13.03.2024).

Статья поступила в редакцию 2.04.2024

Garas, L.N., Lebed, N. I. *Integration of Syrian Refugees into the Lebanese Community: Problem Aspects*

The article examines the impact of the migration challenge (Syrian refugees) on the situation in the Lebanese state and society. The authors conclude that the problem of refugees in Lebanon is multifaceted. Syrian refugees are poorly integrated into the host community; on the contrary, they are perceived primarily as a threat by both the state and society.

Keywords: Syrian refugees, political confessionalism, migration policy, Lebanon, integration, Lebanese community.

УДК [329:28](5-15):327.5(569.4)

В статье обосновывается, что конфликтный потенциал Исламского движения сопротивления (ХАМАС) и «Исламского джихада» породил «двоевластие» в ближневосточном анклав. «Двоевластие» в свою очередь послужило поводом для последующих конфликтов двух группировок. ХАМАС, соблюдая баланс дипломатии и отстаивания своих интересов военным путем, пытается удержать власть и сохранить свой электорат, который также не является монолитным. «Исламский джихад», финансируемый из-за рубежа, всячески пытается эскалировать ситуацию путем обстрелов Израильской территории.

Ключевые слова: Палестинская национальная администрация, Сектор Газа, ХАМАС, «Исламский джихад», Ближний Восток, операция, переговоры.

Ю. Ю. Казаков, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: u_kazakov@internet.ru

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ХАМАС И «ИСЛАМСКОГО ДЖИХАДА» В КОНТЕКСТЕ ВОЙНЫ С ИЗРАИЛЕМ

Выборы 2006 года в Законодательное собрание Палестинской национальной администрации ознаменовались победой исламистского движения «Исламское движение сопротивления» (далее – ХАМАС). Приход к власти радикального фундаменталистского движения поставил в затруднительное положение все стороны урегулирования ближневосточного конфликта. Однако, наряду с упомянутым движением на территории Сектора Газа стали процветать и другие радикальные исламистские движения, в частности «Палестинский исламский джихад». «Палестинский исламский джихад» – палестинская военизированная исламистская организация, ставящая своей целью создание независимого Палестинского исламского государства и уничтожение Израиля путём ведения джихада.

Рассмотрев преамбулу Хартии ХАМАС, стоит выделить следующие строки: «По воле Аллаха всемогущего и великого, Израиль будет существовать, пока Ислам не уничтожит его, как и все, что было до него» [7]. Очевидно, что идеология ХАМАС, которая была разработана шейхом Ахмедом Ясином, имеет в своей основе несколько принципиальных аспектов, которые опираются на классические салафитские концепции и национально-религиозное учение шейха Изз ад-Дин аль-Кассамы, которое пользовалось популярностью среди маргинальных слоев палестинского общества в 1930-х годах XX века. Проанализировав современные доступные источники, можно прийти к выводу, что крайне религиозные идеи, которые были присущи движению в самом начале, на данном этапе являются фоном в современной социально-ориентированной программе движения ХАМАС в Секторе Газа.

Во второй половине 2000-х годов в Секторе Газа стали появляться группировки радикальных исламистов. Они вступили в противостояние не только с Израилем, но и с движением ХАМАС, правящим в Секторе Газа. Многие эксперты отмечают связь радикалов с международной террористической организацией «Аль-Каида». В подтверждение данной гипотезы выступает тот факт, что деятельность «Исламского джихада» в Секторе Газа отвечает задачам «Аль-Каиды» по увеличению числа регионов где ведется противостояние местным режимам, а также странам Запада.

Согласно плану ООН по разделу Палестины на арабское и еврейское государство, Сектор Газа входил в состав территории, предназначенной для создания арабского государства. Однако, впоследствии данной территории в результате различных войн между Израилем и арабскими странами было суждено входить в состав разных государств, в частности Египта и Израиля.

6 июня 2004 года премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном был предложен план одностороннего размежевания. Согласно данному документу предполагалось отделение Израиля от Палестинской национальной администрации [5]. План предусматривал вывод всех еврейских поселений и подразделений Армии Обороны Израиля с территории Сектора Газа. Впоследствии план был утвержден решением Кнессета 26 октября 2004 года и осуществлен в период с 15 августа 2005 по 23 сентября 2005 года.

После ухода Израиля из Сектора Газа, на территории Сектора в Палестинский законодательный совет были проведены первые демократические выборы, в результате которых к власти пришло фундаменталистское исламистское движение ХАМАС.

Если рассматривать ХАМАС в историческом ракурсе, то следует отметить, что движение возникло 15 декабря 1987 года сразу после начала первой палестинской интифады. Основателем и духовным лидером движения являлся Шейх Ахмед Исмаил Ясин.

В своей статье «Идеология ХАМАС дрейфует от радикального исламизма к рациональному практицизму» авторы А. В. Крылов, и В. М. Морозов пишут: «Еще, будучи учеником средней школы, А. Ясин увлекся довольно популярной в то время в Египте, Палестине и Сирии, особенно среди школьных учителей и преподавателей вузов салафитской идеологией египетского исламского проповедника и реформатора Хасана аль-Банни. Как известно, аль-Банна значительную часть своей жизни учительствовал в среднеобразовательной школе в Исмаилие. Он был ярким противником секуляризма и прочих идеологических и политических течений, которые получили широкое распространение в первой половине XX века в странах Ближнего Востока» [4].

После начала первой палестинской интифады Ясин был арестован и в мае 1989 года был приговорен к пожизненному заключению, однако в 1997 году был неожиданно освобожден из израильской тюрьмы. 22 марта 2004 года Ясин был убит в результате обстрела израильским вертолетом, также были ранены его сыновья.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что ХАМАС изначально зарождалось как сугубо ортодоксальное и крайне радикальное движение. Однако углубившись в данную проблематику и рассмотрев социально-экономический аспект развития Сектора Газа при власти ХАМАС можно отметить, что первоначальные принципы ХАМАС подверглись изменениям.

В 80-е годы Ясином была разработана система благотворительности и социальной поддержки населения Газы. Авторы А. А. Керимов, Ф. М. Рабая в своей статье «Роль движения ХАМАС в создании палестинского государства: идеология и практика» пишут следующее: «На финансирование социальных программ создания и поддержки бесплатных детских садов, школ, столовых, библиотек, спортивных секций и т. п. расходовалось 85% бюджета ХАМАС. Между тем на Западном берегу реки Иордан процветали коррупция и хищение бюджетных средств, которые поступали в основном от международных донорских организаций» [3].

Что касается религиозного аспекта и отношения к нему жителей Газы, то данные социологического опроса, проведенного в феврале 2017 г., показали, что создание исламского государства, основанного на законах шариата, поддерживают только 1,2% палестинцев, причем в секторе Газа – всего 0,2%. Следует отметить, что все попытки ХАМАС навязать религиозные ценности салафизма и архаичные нормы наталкивались на глухую стену неприятия со стороны палестинского общества не только на Западном берегу, но и в Газе» [3].

Поворотным моментом в истории политического развития Сектора Газы стал 2006 год, когда ХАМАС выразил намерение создать свое государство лишь на части исторической Палестины, в соседстве с Израилем. Однако несмотря на указные продвижения в ближневосточном урегулировании, впоследствии Израилем были проведены несколько крупномасштабных военных операций в Секторе Газа, направленных на разрушение инфраструктуры ХАМАС и «Исламского джихада».

В свою очередь Иран отрицает факт прямого финансирования группировки ХАМАС. Однако, Иран поставляет легальную военную помощь для ХАМАС, включая ракеты Fajr-5, M-75 и M-302, а также дроны. В 2004 г. объемы оказания Ираном помощи ХАМАС увеличились после смерти Ясира Арафата и вывода войск Израиля из сектора Газа в 2005 г. После победы ХАМАС на выборах в Палестине в 2006 г. поток иностранной помощи прекратился, а Тегеран, наоборот, увеличил финансовые вливания для поддержки возглавившего Палестинскую национальную администрацию ХАМАС [2, с. 117].

Победа ХАМАС на выборах была восторженно воспринята руководством Ирана. Не случайно при его поддержке в 2008 г. произошел острый вооруженный конфликт в Газе между ХАМАС и израильской армией, в ходе которого погибли 1,5 тыс. палестинцев и около 20 израильтян [1].

На данном этапе можно сделать вывод, что рационализм и прагматизм ХАМАС не упирается в готовность взаимодействия с Израилем. Движение не отказывается от вооруженной борьбы и также продолжает не признавать Израиль. Для ХАМАС важно поддерживать баланс между политикой, дипломатией и вооруженной деятельностью. «Тем самым движение стремится сочетать имидж реалистичной и готовой к диалогу палестинской силы и военной организации, непреклонно сражающейся за независимость палестинского народа. В этой связи для ХАМАС оказываются «полезными» не только предложения построить отношения с Израилем по китайско-тайваньской модели, но и периодические эскалации насилия» [3].

Однако наряду с дрейфующим изменением политики ХАМАС, в Секторе Газа появилась новая сила – «Исламский джихад», которая так же, как и ХАМАС, была построена исключительно на

радикальных, салафитских убеждениях, которая до сих пор считает единственно верным путем своей политики уничтожение Израиля путем джихада. Данное движение исключительно в своих убеждениях и никогда не было замечено в изменении своей позиции по отношению к Израилю. Можно предположить, что такая устойчивая и неизменная позиция в отношении Израиля связана с финансированием данной организации Ираном. Стоит отметить, что в большинстве своем сторонники «Исламского джихада» являются суннитами, им также импонирует отношение иранских шиитов к идеям джихада и мученичества. Члены джихада считают, что Иранская революция доказала, что боевые отряды «шахидов» с помощью священной войны могут навязать исламский порядок даже тем странам, которые превосходят их в военном отношении [6].

Начиная с 80-х годов XX века «Исламский джихад» начал осуществлять теракты, направленные против Израиля, в частности, против израильских солдат. С началом второй интифады Аль-Аксы 2000 года «Исламский джихад» вновь заявил о себе и взял на себя ответственность за десятки терактов. В своей статье «Исламский Джихад» А. Хазанов пишет: «Тегеран, который называют главным спонсором «Исламского джихада», обещал увеличить его финансирование на 70%, «чтобы компенсировать расходы на рекрутирование молодых палестинцев для операций «смертников» ». По утверждению американской разведки, Тегеран стал выплачивать «Исламскому джихаду» миллионы долл. наличными за каждую атаку против Израиля». Несмотря на то, что «Исламский джихад» существует достаточно давно на территории Сектора Газа, основную роль движение начало выполнять, когда ХАМАС отказался поддержать в гражданской войне президента Сирии Б. Асада и Тегеран начал оказывать помощь «Исламскому джихаду» как деньгами, так и оружием [6].

Исходя из анализа различных источников, можно предположить, что, начиная с 2010 года, между ХАМАС и «Исламским джихадом» начинают возникать очевидные противоречия. Они расходятся не только в политическом, но и в социальном плане. Для подтверждения данной гипотезы необходимо рассмотреть последние операции Израиля в Секторе Газа, которые были направлены исключительно на ликвидацию боевиков «Исламского джихада» и уничтожение их инфраструктуры, а также проанализировать позицию ХАМАС в данных конфликтах.

Так, осенью 2019 года в ходе Израильской военной операции в Секторе Газа, Израилем был нанесен авиаудар, который был нацелен на дом военного лидера «Исламского джихада» Бахаа Абу аль-Атты в районе Шуджайя, в результате чего погибли он и его жена. Израильский военный представитель Джонатан Конрикус заявил AFP: «Во время операции мы смогли провести различие между ХАМАСом и «Исламским джихадом». ХАМАС не стал громко комментировать последнюю эскалацию. Было ясно, что он не хочет саботировать договоренности о перемирии, достигнутые с Израилем при посредничестве Египта и ООН в марте 2018 года. Эти договоренности гарантировали, что ХАМАС будет приносить миллионы долларов ежемесячной денежной помощи из Катара в обходивший анклав.

Израильский эксперт Ронни Шакед из Института исследований проблем мира имени Гарри Трумэна в Иерусалиме сказал: «Мы привыкли к этим волнам насилия, но что-то новое происходит впервые, и это то, что Израиль не ударил по ХАМАСу и не обвинил его в том, что он несет ответственность за ситуацию на местах» [9].

Летом 2020 года ХАМАС и «Исламский джихад» провели встречу на уровне руководства двух движений в секторе Газа, чтобы обсудить политические события и позицию в отношении сионистских агрессивных планов. На встрече была подчеркнута готовность палестинского сопротивления во всех его формированиях противостоять сионистским нападениям на палестинский народ и повысить уровень координации и сотрудничества между палестинскими силами сопротивления [8].

В подтверждение мнения о сбалансированной политике ХАМАС выступает тот факт, что в 2021 году Израилем была начата очередная операция в Секторе Газа, в результате которой было объявлено о поражении 130 «террористических целей» в Газе, в том числе двух военных туннелей через границу сектора, разведпункта ХАМАС, оружейных цехов и складов.

Постпред Израиля Гилад Эрдан в ходе заседания Совета безопасности ООН раскрыл причину обострения конфликта Тель-Авива с движением ХАМАС. По его словам, обострение конфликта между Израилем и ХАМАС началось из-за «внутренних палестинских политических маневров». «ХАМАС полностью задумал это с целью захватить политическую власть. Все это было частью их порочного плана», — сказал Эрдан, добавив, что движение стремится к разрушению Израиля, а также соперничает за власть на Западном Берегу и стремится сменить Палестинскую администрацию.

В августе 2022 года армией обороны Израиля была начата очередная военная операция под названием «Рассвет». Ее целью было уничтожение представителей группировки «Исламский джихад».

Можно предположить, что к этому моменту разногласиями между ХАМАС и «Исламским джихадом» достигли такого уровня, что ими стал пользоваться их общий враг – Израиль.

Махмуд Абдель Хади в своей статье на новостном портале «Аль-Джазира» пишет: «мотив состоит в том, чтобы разделить палестинское сопротивление, поставить ХАМАС в неловкое положение и нейтрализовать его, показать его как заговорщика с сионистской оккупацией, как часть кампании, направленной на его свержение. В частности, подготовка к этой операции совпала с запуском в Твиттере крайне подозрительного хэштега под названием «Мы хотим жить», который подстрекает граждан в секторе Газа и за рубежом к восстанию против ХАМАСа. Д-р Салех аль-Наами, палестинский исследователь по израильским делам, заявил в своем аккаунте в Twitter, цитируя Israel Defense, что израильская компания начала кампанию против ХАМАСа через сотни аккаунтов и страниц в Facebook и Instagram, и что она выдает себя за местных журналистов и средства массовой информации» [14].

Завершение конфликта, как и в 2020 году ознаменовалось проведением новых переговоров ХАМАС и «Исламского Джихада». ХАМАС и «Исламский джихад» заявили, что сопротивление является стратегическим выбором, который не может быть отменен после встречи лидеров двух движений в городе Газа [10]. Ливанский медиаресурс «Аль-Маядин» отмечает, что в результате встречи был подтвержден высокий уровень координации между двумя группировками и заявлено, что отныне ответ на нападения будет единым [11].

Анализируя роль ХАМАС в данном конфликте, можно прийти к выводу, что договоренности, достигнутые в 2022 году, остались лишь на бумаге. Официальный ХАМАС ограничился лишь комментарием: «враг просчитался и заплатит цену за свое преступление», подчеркнув, что «только сопротивление определит путь, который навредит коварному врагу» [13].

Летом 2023 года в Каире состоялась встреча руководства террористических организаций «Исламское движение сопротивления» (ХАМАС) и «Исламский джихад», в которой принимали участие лидеры этих группировок Исмаил Ханийя и Зияд ан-Нахла.

4 июня 2023 года арабская газета «Аль-Араби аль-Джаид» сообщила, что в Каире идет работа над планом долгосрочного перемирия между Израилем и Газой. В публикации сказано, что к переговорам привлечены США и Катар. Египетские источники сообщили редакции «Аль-Араби аль-Джаид», что в Каир приглашены лидеры террористических организаций ХАМАС и «Исламский джихад». По словам этих источников, готовится беспрецедентный план, в рамках которого будут достигнуты как договоренности по долгосрочному внутripалестинскому примирению (очевидно, с ФАТХом) в секторе Газы и по перемирию с Израилем. «Аль-Араби аль-Джаид» пишет, что достижение соглашения, помимо прочего, приведет к усилению роли Египта в Газе [14].

Изучив историю появления и дальнейшее развитие группировки можно сделать вывод, что на этапе становления движение позиционировало себя как праворадикальное и исламистское, ставящее своей целью уничтожение Израиля и подкрепляющее свою цель салафитскими убеждениями. Несмотря на выстроенный фундамент своего политического развития в Секторе Газа после победы на выборах 2006 года в Законодательное собрание Палестинской национальной администрации, ХАМАС начал менять вектор своей политики как внутри анклава, так и по отношению к Израилю. Поводами к смене политического курса послужили военные операции в Секторе Газа, проведенные в 2008 и 2014 годах. Проанализировав свою политику, в результате которой были многочисленные жертвы, обеднение населения, разрушенная инфраструктура, ХАМАС взял курс на отказ от своих праворадикальных идей и выстраивание социально-ориентированной политики, с целью удержать власть и сохранить поддержку населения. Это подтверждается созданием ХАМАС нового варианта «национального исламистского проекта», предусматривающего полный отказ от генетической связи с группировкой «Братья мусульмане»¹, а также отказ от джихадистского салафизма. Изменение политики ХАМАС в Секторе Газа привело к тому, что внешние игроки Ближневосточного конфликта сочли необходимым появление в секторе нового исламистского салафитского движения «Исламский джихад», которое на протяжении долгого времени не отказывалось от своей цели священной войны против Израиля и полного его уничтожения.

Таким образом, появление в анклав «двоевластия» послужило поводом для последующих конфликтов двух группировок. ХАМАС, соблюдая баланс дипломатии и отстаивание своих интересов военным путем пытается удержать власть и сохранить свой электорат, который также не является

¹ Запрещена в РФ.

монолитным. «Исламский джихад», финансируемый из-за рубежа всячески пытается эскалировать ситуацию, путем обстрелов Израильской территории.

Список литературы

1. Галкина, Е. Иран бросает вызов. – URL: www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php (дата обращения: 15.03.2024).
2. Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI века: Сборник статей, посвященный 80-летию доктора исторических наук, профессора, академика РАН А.М. Хазанова / Институт востоковедения РАН. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2011. – 324 с.
3. Керимов, А. А. Роль движения ХАМАС в создании Палестинского государства: идеология и практика / А. А. Керимов, Ф. М. Рабайя // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2021. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-dvizheniya-hamas-v-sozdani-palestinskogo-gosudarstva-ideologiya-i-praktika> (дата обращения: 12.03.2024).
4. Крылов, А. В. Идеология ХАМАС дрейфует от радикального исламизма к рациональному практицизму / А. В. Крылов, В. М. Морозов. – URL: Крылов Александр Владимирович – д (mgimo.ru) (дата обращения: 10.03.2024).
5. План отделения Израиля от ПНА («план Шарона») – URL: NEWSru.com: План отделения Израиля от ПНА («план Шарона») (дата обращения: 10.03.2024).
6. Хазанов, А. «Исламский джихад» / А. Хазанов // Россия и мусульманский мир. – 2007. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-dzhihad> (дата обращения: 20.03.2024).
7. Hamas Charter (1988) – URL: Hamam_Charter.pdf (actmemphis.org) (дата обращения: 10.03.2024).
8. تحليل إخباري اجتماع قيادي بين حركتي حماس والجهاد الإسلامي في غزة.. اليك تفاصيله – URL: samanews.ps (дата обращения: 21.03.2024).
9. تحليل إخباري: حماس تصمت خلال المواجهة بين إسرائيل والجهاد الإسلامي – URL: qantara.de (дата обращения: 21.03.2024).
10. هل حماس والجهاد الإسلامي في بيان – URL: aljazeera.net (дата обращения: 27.03.2024).
11. هل حماس والجهاد: التنسيق عالي بيننا.. وردنا على الاعتداءات سيكون موحداً – URL: almayadeen.net (дата обращения: 28.03.2024).
12. بشأن غزة تختمر في القاهرة "طويلة الأمد" خطة – URL: alaraby.co.uk (дата обращения: 28.03.2024).
13. غارات إسرائيلية على قطاع غزة واستشهاد 13 بينهم 3 من قيادات "الجهاد الإسلامي" – URL: aljazeera.net (almayadeen.net) (дата обращения: 28.03.2024).
14. هل تخلت حماس عن الجهاد الإسلامي؟ | الجزيرة نت – URL: aljazeera.net (дата обращения: 27.03.2024).

Статья поступила в редакцию 4.04.2024

Kazakov, Yu. Yu. *The Conflict Potential of the Relationship between HAMAS and Islamic Jihad in the Context of the War with Israel*

The article proves that the potential for conflict between the Islamic Resistance Movement (Hamas) and the Islamic Jihad has given rise to the "dual power" in the Middle Eastern enclave. The "dual power", in turn, served as the reason for the subsequent conflicts between the two groups. Hamas, observing the balance of diplomacy and defending its interests by military means, is trying to retain power and preserve its electorate, which is also not monolithic. The Islamic Jihad, funded from abroad, is trying in every possible way to escalate the situation by shelling Israeli territory.

Keywords: Palestinian National Authority, Gaza Strip, Hamas, Islamic Jihad, Middle East, operation, negotiations.

УДК 321.013(470.75):070(0)

Данная работа представляет собой анализ статей, опубликованных в СМИ США, Великобритании, Франции и Германии как исторического источника для изучения событий и процессов «русской весны», вышедших в феврале – марте 2014 года. Автор анализирует наиболее часто встречающиеся сюжеты, обращает внимание на трактовки и интерпретации фактов.

Ключевые слова: Крым, «русская весна», «крымская весна», зарубежные СМИ, Севастополь

К. В. Иванов, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kvivanov@yandex.ru

КРЫМ, «РУССКАЯ ВЕСНА» И РЕФЕРЕНДУМ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ СМИ

Публикации в иностранных СМИ по тематике Русской весны, особенно в контексте СВО и других событий, представляют собой весьма интересный исторический источник.

За основу были взяты четыре ведущих издания США, Великобритании, Франции и Германии: The New York Times (далее NYT), The Guardian, Le Monde, Der Spiegel, соответственно. Нет никаких сомнений, что именно эти четыре государства являются основой антироссийского блока, и, хотя каждая преследует свои интересы, общая линия у них во многом общая. Информационный фон, формируемый в этих странах и этими изданиями, полон русофобии и порою совершенно нелепых утверждений.

В рамках подготовки статьи использовались публикации в вышеперечисленных изданиях, вышедшие за период с 22 февраля по 18 марта 2014 года.

Данная работа не первый опыт анализа искажения представлений о «русской весне» со стороны иностранных СМИ. В качестве примера можно упомянуть работы А. П. Мащенко [2;3], в которых был проведен анализ исключительно американских СМИ. Автор настоящей работы придерживается мнения, что привлечение СМИ других стран даст более разнообразную палитру представленных в них суждений и тезисов.

Продолжая тему оценки западных СМИ как источников, следует отметить, что особенный интерес представляют интерпретации событий и фактов. Зачастую наименования регионов, местного населения, определенных групп уже говорят о многом. В частности, Крым незнакомый для большинства читателей вышеупомянутых стран, а потому нуждающийся в представлении, как правило характеризуется как «регион, раздираемый политическими, этническими и религиозными различиями» [12]. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи. Так, например, В. А. Афанасьев считает, что «рядовой американец или британец до событий 2014 года мало что знал о Крыме и наиболее значимой информацией для него, почерпнутой из школьного курса новейшей истории была, Ялтинская конференция глав держав антигитлеровской коалиции – Сталина, Рузвельта и Черчилля» [1].

Местное население, которое нередко становится обезличенным героем новостных сюжетов именуется «этническое русское» и «русскоязычное население» [12] с явным разделением этих двух понятий. Далее, по ходу развития событий, Крым нередко упоминается в разных изданиях как «Автономная республика с населением в два миллиона человек, Крым был российским с момента его аннексии Екатериной II в XIX веке» [14]. Несмотря на очевидную ошибку в датировке – это очень интересное описание. Ключевым здесь является термин «аннексия». Таким образом, ставится знак равенства между событиями 1783 и 2014 года.

Довольно часто упоминается факт передачи Крыма Украине Никитой Сергеевичем Хрущевым в 1954 году [13], хотя в таких случаях как правило уточняется, что тогда это не имело особенного значения, так как и Украина и Россия были частью единого государства.

«Народное голосование, запланированное на 25 мая, с тех пор было перенесено на 30 марта, а теперь и на 16 марта» [14] вызвало в иностранных СМИ чрезвычайно бурную реакцию. Она в полной мере отражала отношение к происходящим событиям властей этих государств: «Сенсация, прозвучавшая в парламенте Симферополя, вызвала резкую реакцию западных столиц; высокопоставленные чиновники ЕС осудили эту идею как “абсолютно незаконную”, в то время как британские официальные лица заявили, что последуют примеру временного правительства Украины, которое считает референдум антиконституционным» [23]. Реакция самого Киева оценивается как «вопли возмущения» [23].

И все же реакция коллективного Запада, особенно США, была более или менее сдержанной. Создавалось впечатление, что они были готовы урегулировать ситуацию дипломатическими путями. Первое выступление Президента США Барака Обамы можно охарактеризовать как растерянное.

В дальнейшем представители США, Франции, Германии и Великобритании выступали с осуждением действий России в Крыму и неоднократно заявляли о незаконности референдума. Немного иначе высказался министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер, назвав ситуацию в Крыму «самым серьезным кризисом со времен падения Берлинской стены» [22].

В публикациях СМИ Запада транслировали несколько образов. Во-первых, это представление о России, как о государстве с имперскими амбициями. Ранее это уже было подмечено другими исследователями «Западные политики до сих пор опасаются возрождения СССР и заявляют о наличии у России как правопреемницы СССР амбиций вернуть утраченные территории» [4, с. 183].

Во-вторых, главной целью кампании по «демонизации» и «очернению» России» [1] становится уже не столько государство, сколько Президент России В. В. Путин. Причем вплоть до проведения референдума в западном лагере не было единства мнений относительно того, собирается ли лидер России доводить до конца «операцию в Крыму» [22]. «Стиль действий Путина в условиях этого кризиса таков: он делает шаг, он доводит его до предела, но не выходит за его пределы. Затем он останавливается и ждет, как мыотреагируем. Он внимательно следит за действиями каждого отдельного лидера с другой стороны. Если мы решим попытаться вести с ним жесткую игру, он будет давить сильнее» [7]. Западные лидеры не были уверены в том, что даже если референдум будет проведен, то Крым будет включен в состав России. «Г-н Керри отказался рассматривать возможную аннексию Крыма Россией как свершившийся факт, выразив надежду, что г-н Путин, возможно, все же решит разрешить кризис дипломатическим путем после референдума» [9].

Третьим сюжетом были угрозы применения санкций. Эти темы звучали часто и как правило составляли основной посыл в выступлениях лидеров коллективного Запада. По их мнению, и тогда и сейчас санкции являются универсальным орудием, способным убедить и заставить в данном случае Президента России отступить и пойти на компромисс. «Западные санкции еще больше сократят возможности Путина, возможно, даже поставят под угрозу его власть. Запреты на поездки, введенные ранее пропутинской элитой, привыкшей к западной роскоши, могут вызвать значительное негодование» [22].

Европейские государства не были едины в вопросах о санкциях. Безусловно главной проблемой являлась их стоимость для самой Европы. Самым болезненным этот вопрос был для Германии, которая имеет более разветвленные экономические связи с Россией. В первую очередь это относится к энергетической сфере. «Это будет нелегкий шаг. Но разницу можно компенсировать за счет поставок нефти и природного газа из других источников. Конечно, нельзя отрицать, что такой шаг приведет к росту цен на энергоносители в Германии и остальной части Европейского Союза. Экономический рост, и без того слабый, пострадает. Но если мы, немцы, серьезно относимся к тому, чтобы взять на себя больше внешнеполитической ответственности, то мы также должны быть готовы заплатить необходимую цену» [5].

Журналисты разных изданий возлагали наибольшие надежды на канцлера Германии Ангелу Меркель как человека, который возможно сможет договориться с В. В. Путиным. Она свободно говорит на русском, Владимир Владимирович, как известно, свободно владеет немецким. По мнению СМИ, именно канцлер Германии лучше всего знает Президента России.

Не все издания сходились в оценке необходимости применения санкций, а главное того, насколько они могут быть эффективны. Некоторые обозреватели считали, что применение санкций не окажет ожидаемого воздействия на Россию. Один из них, весьма известный за довольно провокационные суждения Саймон Дженкинс (Simon Jenkins) высказал мнение о том, что употребление постоянных штампов наподобие «четких сигналов» и «решительных действий», а также организации саммитов, проведение конференций, телефонных звонков, привлечение аналитических центров лишь доказывает, что с Россией ничего нельзя сделать. «Поэтому мы наслаждались знакомым холодным набором сообщений, предупреждений, сдерживающих факторов, красных линий, санкций, жестов, кнута и пряника» [6]. Далее следует вывод, который никак не рассчитываешь встретить в британской газете: «Госсекретарь США Джон Керри должен отказаться от встречи со своим российским коллегой. Многие люди должны отказаться от посещения Олимпийских игр и конференций – санкция особой жестокости на любые попытки что-то предпринять. Я не кремлинолог,

но я нахожу идею о том, что такие жесты могут заставить Путина дрожать от страха, столь же нелепой, как мысль о том, что они наводили ужас на Усаму бен Ладена или Талибан¹» [16].

Вывод сколь удивительный, столь и ужасающий. С одной стороны, совершенно некорректно, непрофессионально и, весьма вероятно преступно, упоминать в такой связке и ставить в один ряд Президента России и бывшего «террориста №1», а также запрещенную в России террористическую организацию Талибан. С другой стороны, здесь четко формулируется вывод о том, что организуемая коллективным Западом суэта лишь демонстрирует слабость последнего, потому что повлиять на развитие события они были неспособны.

Еще один обозреватель, на этот раз американец Роджер Коэн (Roger Cohen), приводит еще одно нелестное, но очень показательное сравнение. Он считает, что «Владимир В. Путин смотрел на американскую модель», то есть на американские интервенции в Ираке, Афганистане, Гренаде, Вьетнаме и «чувствовал, что он, по крайней мере, столь же оправдан в отстаивании российских интересов в соседнем государстве. На самом деле, Россия, похоже, больше заинтересована, чем мы, в тех странах, в которые мы вторглись. Г-н Путин просто вел себя как американский президент» и далее «Количество лицемерного шума, исходящего от американского правительства и СМИ по поводу аннексии Россией территории, которая когда-то была частью России под “ложным предлогом”, граничит с фарсом и весельем. Помнят ли американцы, как Техас и Калифорния стали частью того, что когда-то было великой надеждой мира?» [19].

Это мнение далеко не единственное, но, пожалуй, одно из самых ярких в поддержку тезиса о двойных стандартах, что уже давно является нормой для коллективного Запада.

Четвертый сюжет представляет собой комплекс сравнений ситуации в Крыму с другими примерами случаев проведения референдумов. В первую очередь упоминается Косово и Сербия, нередко вспоминали Шотландию, а также Каталонию. Рассмотрим их в порядке упоминаемости.

Необходимо отметить, что сравнение с Косово упоминается в публикациях СМИ как аргумент «против», так и аргумент «за» крымский референдум. Лидеры Запада, конечно, заявляют о некорректности подобных параллелей. «Г-жа Меркель отвергла любое сравнение между ситуацией в Крыму сегодня и ситуацией в Косово в конце 1990-х, когда НАТО бомбило Сербию в течение 78 дней, чтобы остановить этническую чистку косовских албанцев сербскими силами» [20]. Голоса «за», однако звучат, пусть и редко: «Увы, пьяная лодка Барака Обамы плывет в тумане несоответствий, увлекая за собой наши теневые правительства. После того, как ранее он распустил государство Югославия во имя права наций, он отказывает русским в самоопределении Крыма. Разве его 2 миллиона жителей не стоят 2 миллионов жителей Македонии? Битва за Косово, клещи за Крым?» [18].

Иногда в статьях приводится сравнение референдума в Крыму с таковым в Шотландии, который был проведен 18 сентября 2014 года. «Этот вопрос (о суверенитете – пояснение автора) должен быть решен путем свободных, честных и организованных в соответствии с законом референдумов – как это будет в Шотландии через несколько месяцев. Однако референдум, запланированный в Крыму на это воскресенье, не будет ни свободным, ни прозрачным» [17]. Также встретилось несколько упоминаний референдума в Каталонии (проведен 1 октября 2017), призывы к которому уже тогда были нередки в этом регионе Испании. «Крым, население которого включает значительное меньшинство этнических украинцев и крымских татар, представляет собой более сложный сценарий, чем сепаратистские движения в более монолитных регионах, таких как Косово или Каталония в Испании» [6]. В основном, хотя и не все, такие аналогии были призваны убедить читателей в нелегитимности планируемого референдума в Крыму. С другой стороны, в одной из публикаций в NYT приводятся слова Энрике Равелло – одного из немногих наблюдателей из Испании, присутствовавшего на референдуме на полуострове 16 марта. «“Крым в Каталонии является для нас примером того, что мы хотели бы сделать”, – сказал г-н Равелло. “Мы не знаем, позволит ли так называемая западная демократическая Испания нам быть такими же свободными, как вы сегодня”» [10].

Практически во всех изданиях в качестве главного аргумента против референдума в Крыму называли присутствие на полуострове большого российского контингента. Неоднократно отмечалось, что российская армия присутствует там в том числе для того, чтобы оказать давление на население. «Не может быть справедливого и свободного референдума, когда Крым оккупирован российскими войсками» [8], а также «никто не может сделать реальный выбор с револьвером у виска» [8].

Состоялся бы референдум, если бы Крым не мог обеспечить свою безопасность? Ответ на этот вопрос совершенно очевиден. Обещанные киевским режимом поезда дружбы, Дмитрий Ярош,

¹ Движение запрещено в России

имеющий в своем распоряжении хорошо организованные отряды, лидер «Правого сектора», и обещавший расправиться с крымчанами практически не оставляют сомнения, что безопасность и свобода полуострова была под большой угрозой. Россия обеспечила эту безопасность региона и дала возможность жителям Крыма и Севастополя свободно выразить свою волю на референдуме, организованном в полном соответствии с международным правом.

Еще одним сюжетом, который неоднократно транслировался в рассматриваемых изданиях, было действительное отношение крымчан к событиям, которые происходили на полуострове. По мнению обозревателей, оно было далеко от радостного. «Теперь, в условиях странного призрака конфликта, ранее спокойное, хотя и обнищавшее двухмиллионное население было охвачено тревогой и ужасом из-за разговоров о войне и растущей подозрительности» [21].

Западные СМИ описывали настроение жителей полуострова как в лучшем случае настороженное. В подтверждение этого они публиковали наивные интервью с якобы крымчанами, которые не считают себя русскими. Некто г-н Зуев, семья которого живет в Перми, сам он родился в Феодосии, а в данный момент торгует сувенирами «чувствует себя, прежде всего, «крымчанином». Мы «наполовину русские, наполовину татары, наполовину что-то еще, "смешанная и предприимчивая нация"» [15]. По итогам такого «глубокого» анализа журналист делает следующий вывод: «Пророссийские партии, находящиеся сегодня у власти, до сих пор добивались незначительных результатов на местных выборах. И вторжение начинает вызывать критику даже в русском большинстве Крыма» [15].

С историей региона и национальным менталитетом связан еще один сюжет, который обратил на себя внимание удивительной подборкой фактов и очередным парадоксальным выводом. «Почти каждая вторая главная улица названа в честь русского военного героя или ужасного сражения, на его прекрасной набережной возвышается “памятник затонувшим кораблям”, а центральная площадь названа в честь имперского адмирала, который командовал русскими войсками против французских, британских и турецких войск в 19 веке, Севастополь постоянно питает мысли о войне и ее агонии. Севастополь никогда не переставал думать о потерях военного времени» [11]. Издание, вульгаризируя память о двух героических оборонах города Севастополя, приходит к выводу о том, что «не все здесь были охвачены волной русского патриотического пыла, но те, кто этого не сделал, не поднимают головы» [11]. Как это часто бывает, неожиданный вывод в статье не основывается на ее содержании, а возникает буквально из ниоткуда, что часто можно наблюдать, изучая публикации указанных изданий.

Подводя итоги анализу публикаций, необходимо прежде всего отметить разные по направленности трактовки событий. Даже в рамках одного издания нет единого подхода к освещению одних и тех же сюжетов. По мнению В. А. Афанасьева, аналитическими центрами, в частности корпорацией RAND (выступает подрядчиком Пентагона) «не был разработан целостный проект антироссийской стратегии, связанный с крымской проблематикой до 16 марта 2014 года» [1], что подтверждается разнонаправленностью освещения этих сюжетов в СМИ. Тем не менее, публикации западных СМИ могут служить ценным источником при изучении различных процессов и событий «русской весны», но только при использовании сравнительного анализа и критического подхода представленных трактовок и интерпретаций фактов.

Список литературы

1. Афанасьев, В. А. Политическая оценка событий «крымской весны» в проекте американского аналитического центра RAND / В. А. Афанасьев // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-otsenka-sobytiy-krymskoy-vesny-v-proekte-amerikanskogo-analiticheskogo-tsentra-rand/viewer> (дата обращения 31.03.2024)
2. Машенко, А. П. «Русский компонент» образа Крыма в американских СМИ / А. П. Машенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 26 (65). № 3 – С.30-36.
3. Машенко, А. П. Российский Крым в изображении американских СМИ / А. П. Машенко / Межкультурные коммуникации. Тезисы докладов участников международной научной конференции. – Симферополь: Изд-во Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2017. – С. 76-77.
4. Севастьянова, В. В. Современная антироссийская информационная война: причины и технологии / В. В. Севастьянова, Ю. Б. Хамитова // Актуальные вопросы развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции / Отв. С. В. Нечаева. – 2017. – С. 182-185.

5. Bocking, D. Europe Should Impose Stiffer Penalties / D. Bocking // Der Spiegel – 2014. – 15 марта. – URL: <https://www.spiegel.de/international/world/commentary-time-for-more-painful-eu-sanctions-on-russia-a-959342.html> (дата обращения 31.03.2024)
6. Erlanger S. Air Links Are Severed as Russia Tightens Its Grip on Crimean Peninsula / S. Erlanger, D. Herszenhorn // The New York Times – 2014. – 11 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/12/world/europe/ukraine.html?searchResultPosition=8> (дата обращения 31.03.2024)
7. Fisher, S. 'We Shouldn't Threaten Putin' / S. Fisher // Der Spiegel – 2014. – 15 марта URL: <https://www.spiegel.de/international/world/experts-argue-west-should-be-cautious-in-approach-to-putin-a-958952.html> (дата обращения 31.03.2024)
8. Geneste, A. Jegu, M. Les Occidentaux cherchent à contrer l'intransigeance russe sur la Crimée / A. Geneste, M. Jegu // Le Monde – 2014. – 11 марта. – URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2014/03/11/les-occidentaux-cherchent-a-contrer-l-intransigeance-russe-sur-la-crimée_4380972_3214.html (дата обращения 31.03.2024)
9. Gordon, R. M. U.S.-Russia Talks on Ukraine Fail to Ease Tension / R. M. Gordon, S. L. Myers // The New York Times – 2014. – 14 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/15/world/europe/john-kerry-russia-ukraine-talks.html?searchResultPosition=45> (дата обращения 31.03.2024)
10. Herszenhorn, D. Crimea Votes to Secede From Ukraine as Russian Troops Keep Watch / D. Herszenhorn // The New York Times – 2014. – 11 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/17/world/europe/crimea-ukraine-secession-vote-referendum.html?searchResultPosition=67> (дата обращения 31.03.2024)
11. Higgins, A. Steeped in Its Bloody History, Again Embracing Resistance / A. Higgins // The New York Times – 2014. – 6 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/07/world/europe/crimea-russia.html?searchResultPosition=10> (дата обращения 31.03.2024)
12. Higgins, A. Gunmen Seize Government Buildings in Crimea / A. Higgins, Erlanger S. // The New York Times – 2014. – 27 февраля URL: <https://www.nytimes.com/2014/02/28/world/europe/crimea-ukraine.html?searchResultPosition=15> (дата обращения 31.03.2024)
13. Higgins, A. In Crimea's Phantom War, Armed Men Face Unseen Foe / A. Higgins, A. Smale // The New York Times – 2014. – 2 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/in-crimeas-phantom-war-armed-men-face-unseen-foe.html?searchResultPosition=57> (дата обращения 31.03.2024)
14. Imbert, L. Crimée: un pas supplémentaire vers la partition de l'Ukraine / L. Imbert // Le Monde – 2014. – 06 марта. – URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2014/03/06/crimée-un-pas-supplémentaire-vers-la-partition-de-l-ukraine_4379030_3214.html (дата обращения 31.03.2024)
15. Imbert, L. Vu de Crimée: « C'est un gang qui tient le pouvoir à Kiev » / L. Imbert // Le Monde – 2014. – 7 марта. – URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2014/03/07/en-crimée-c'est-un-gang-qui-tient-le-gouvernement-maintenant_4379220_3214.html (дата обращения 31.03.2024)
16. Jenkins, S. The west's do-somethings will do nothing for Ukraine / S. Jenkins // The Guardian – 2014. – 12 марта. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/12/ukraine-crisis-west-do-nothing-russia> (дата обращения 31.03.2024)
17. Ricketts, P. Crimée: un référendum honteux / P. Ricketts // Le Monde – 2014. – 14 марта. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2014/03/14/crimée-un-referendum-honteux_4383473_3232.html (дата обращения 31.03.2024)
18. Roucaute, Y. La Crimée est russe depuis quatre siècles! / Y. Roucaute // Le Monde – 2014. – 11 марта. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2014/03/11/la-crimée-est-russe-depuis-quatre-siècles_4380990_3232.html (дата обращения 31.03.2024)
19. Russia's Intervention in Crimea // The New York Times – 2014. – 11 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/12/opinion/russias-intervention-in-crimea.html?searchResultPosition=7> (дата обращения 31.03.2024)
20. Smale, A. Germany Urges Russia to Help Solve Ukraine Crisis / A. Smale // The New York Times – 2014. – 13 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/14/world/europe/germany-urges-russia-to-help-solve-ukraine-crisis.html?searchResultPosition=28> (дата обращения 31.03.2024)
21. Smale, A. Mystery Men at De Facto Crimean Border Help Fuel Suspicion and Dread / A. Smale // The New York Times – 2014. – 5 марта. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/06/world/europe/mystery-men-at-de-facto-crimean-border-help-fuel-suspicion-and-dread.html?searchResultPosition=39> (дата обращения 31.03.2024)

22. Sultan, C. Russia's Imperial Mess / C. Sultan // Der Spiegel – 2014. – 10 марта. – URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/ukraine-invasion-reveals-flaws-in-politics-of-putin-and-russia-a-957815.html> (дата обращения 31.03.2024)

23. Walker, S. Ukraine crisis: Crimean MPs' vote to join Russian Federation sparks outrage / S. Walker // The Guardian – 2014. – 6 марта. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/06/ukraine-crisis-crimea-vote-russia-kiev> (дата обращения 31.03.2024)

Статья поступила в редакцию 2.04.2024

Ivanov, K. V. *Crimea, the Russian Spring and the Referendum through the Eyes of the Western Media*

This work is an analysis of articles published in the media of the USA, Great Britain, France and Germany in February – March 2014 as a historical source for studying the events and processes of the "Russian Spring". The author analyzes the most common plots, draws attention to interpretations of facts. The work contains numerous quotations, which is of great importance given the general orientation and topic of the study.

Keywords: Crimea, Russian spring, Crimean spring, foreign media, Sevastopol

УДК 327:341.232(47:569.1)

В статье проанализированы динамика военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой за период с 1991 по 2015 годы, а также факторы, определяющие масштабы взаимодействия двух стран в вышеуказанной сфере. Посредством военно-технического сотрудничества с Сирией Россия получила возможность укрепить свои позиции в регионе Восточного Средиземноморья. Нарастание объемов поставок российского вооружения в САР с 2005 года ознаменовало восстановление военного присутствия Российской Федерации в Восточном Средиземноморье и отражало переход России к активной реализации национальных интересов в данном регионе.

Ключевые слова: Российская Федерация, Сирийская Арабская Республика, военно-техническое сотрудничество, национальные интересы, поставки вооружения.

М. Ю. Зенькович, ассистент

Севастопольский государственный университет

E-mail: mzenkovich-lang@mail.ru

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ С 1991 ПО 2015 ГОДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РЕГИОНЕ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) тесно связано с национальными интересами, затрагивает экономическую, оборонную и внешнеполитическую сферу государства и является эффективным инструментом проведения влияния в жизненно важных для страны регионах [6]. Во-первых, это один из важнейших источников пополнения бюджета страны. Во-вторых, оно обеспечивает постоянное обновление ВПК страны, что, следовательно, повышает ее обороноспособность. В-третьих, посредством налаживания ВТС с теми или иными государствами, у страны-поставщика вооружения появляется возможность оказывать воздействие на внешнеполитическую ориентацию страны-импортера. Особенностью рынка вооружений является тот факт, что страна-экспортер получает возможность влиять на политические процессы в регионе. Поэтому во многом экспорт вооружения находится в зависимости от стратегии и доктринальных установок государства [1].

Кроме того, военно-техническое сотрудничество предполагает установление долгосрочного сотрудничества, поскольку влечет за собой комплексную систему по обслуживанию поставленной военной техники: начиная от обучения кадров, и заканчивая созданием соответствующей инфраструктуры по ремонту, содержанию и т. д. Установление ВТС предполагает, что страна-импортер доверяет повышение своей обороноспособности, т. е. свою безопасность стране-экспортеру.

Целью данного исследования является анализ динамики развития военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой как одного из инструментов реализации национальных интересов России в Восточном Средиземноморье.

Ключевыми угрозами национальной безопасности России являются наличие очагов нестабильности в геополитической близости к границе России, а также нарушение баланса сил в сопредельных регионах. Одним из способов обеспечения национальной безопасности является укрепление как собственной обороноспособности, так и союзников. В этой связи, военно-техническое сотрудничество с Сирийской Арабской Республикой представляет стратегический интерес [13, с. 314].

С момента дезинтеграции Советского Союза, объемы военно-технического сотрудничества со странами «третьего мира» значительно уменьшились. Для сравнения: если в 80-е годы доля СССР в мировых поставках оружия составляла 35%, то в 90-е уменьшилась до 5-7% [13, с. 266].

Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации в период с 1992 по 1994 годы не имело упорядоченного характера, поскольку поставки осуществлялись при минимальном

государственном контроле, что нередко сопровождалось вывозом секретных технологий. Кроме того, предприятия оборонно-промышленного комплекса, получив право продавать оружие, ориентировались исключительно на коммерческие цели без учета традиционных национальных интересов в тех или иных регионах.

Таким образом, в качестве факторов, обусловивших сокращение масштабов ВТС с Сирийской Арабской Республикой, следует рассматривать как сконцентрированность внешней политики РФ в западном направлении, период внутренних преобразований, так и общее состояние в сфере торговли вооружением, связанное с фактическим отсутствием со стороны государства координации военно-технического сотрудничества. Не только в сирийском направлении происходит значительное сокращение поставок вооружения.

Однако уже в 1993 году осуществляется первая попытка установления государственного контроля и посредничества в сфере военно-технического сотрудничества с иностранными государствами посредством учреждения Государственной компании по экспорту и импорту вооружений и военной техники «Росвооружение», а также «Промэкспорт». В 2000 году посредством слияния «Росвооружения» и «Промэкспорта» формируется единственная государственная компания по ВТС – «Рособоронэкспорт». Строже становится процедура выдачи лицензий на продажу оборонными предприятиями продукции. Также с целью усиления государственного контроля формируется Государственный комитет РФ по военно-технической политике. Ныне контроль над ВТС осуществляет Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству РФ, образовавшаяся в результате преобразования Государственного комитета по военно-технической политике в 2004 году.

19 июля 1998 года был принят Федеральный закон № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве с иностранными государствами», оформивший на правовой основе рамки военно-технического сотрудничества. Кроме того, 14 статья «О международных договорах Российской Федерации в области военно-технического сотрудничества» гласит, что РФ как продолжатель СССР берет на себя ответственность за соблюдение договоров в данной области, заключенных Советским Союзом [10]. Это отражает попытки возвращения РФ на утраченные в ходе дезинтеграции Советского Союза рынки. Кроме того, закон дифференцирует понятия «военно-техническое сотрудничество» и «военно-техническая помощь». Последняя подразумевает поставку вооружения на льготных условиях, либо же на безвозмездной основе.

Ближний Восток, и, в частности, Сирия, - перспективный рынок для российского вооружения. Помимо возможностей восстановления позиций в регионе, ВТС с Сирией приобрело новый аспект – необходимость консолидированных действий по борьбе с международным терроризмом. Кроме того, поставки вооружения арабским странам помогают поддерживать баланс сил в регионе, что в свою очередь открывает перспективы эффективности политических методов урегулирования [12].

Несмотря на то, что в 90-е годы основное внимание России было обращено на Запад, а также на выстраивание отношений со странами СНГ, тем не менее, регион Восточного Средиземноморья не утратил свое значение для ее национальных интересов. В условиях расширения западных альянсов на Восток, особое значение представляет наличие союзников на южном стратегическом направлении. Кроме того, наличие системы базирования на Средиземном море в условиях расширения НАТО на Восток составляет жизненно важные интересы России в плане обеспечения безопасности южных границ.

Первым шагом к возобновлению военно-политических отношений между Сирией и РФ следует рассматривать подписание в апреле 1994 года договора о военно-техническом сотрудничестве. Форма военно-технического сотрудничества, предполагавшая не только поставки вооружения, но и оказание услуг по эксплуатации, включая ремонт и обучение кадров российскими специалистами, а также отправка сирийских военных в учебные заведения России, демонстрирует преемственность советским принципам ВТС с САР. Договор также предусматривал создание Российско-сирийской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству для координации данной сферы отношений [8]. Тем не менее, за период с 1997 по 2000 год объем поставок российского вооружения в Сирию не превышал 300 млн. долларов. Это означает, что большая часть контрактов не была реализована [11]. Несмотря на то, что объемы поставок носили ограниченный характер по сравнению с советским периодом, Россия оставалась основным поставщиком оружия в Сирийскую Арабскую Республику.

Курс пришедшего к власти Башара Асада в июне 2000 года отмечается логическим продолжением развивающегося сотрудничества в различных сферах с Россией. Так, в апреле 2001 года Фарук Шараа, министр иностранных дел САР, прибыл в Москву. На переговорах речь шла о продолжении торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, о необходимости

созыва постоянной российско-сирийской комиссии для рассмотрения перспектив расширения сотрудничества в данных областях. За этим последовал визит Е. М. Примакова в Дамаск в мае 2001 года, где он отметил, что в числе приоритетных сфер сотрудничества – военно-техническая область. О преемственности курса на дальнейшее ВТС с Россией также говорит тот факт, что в январе 2002 года в качестве начальника Генштаба на место отправленного в отставку А. Аслана был назначен активный сторонник расширения военно-технического сотрудничества с Россией Х. Туркмани.

Однако вплоть до 2005 года российско-сирийские отношения не получили должного развития как в военно-политической, так и торгово-экономической сфере. Это обуславливается также проблемой отказа сирийской стороной погасить долг, который к 2005 году достиг 13, 3 млрд. долларов (с учетом вычета встречных требований САР к РФ) [7, с. 20]. Сирийская сторона ссылалась на неспособность погасить долг в таком размере, а также на тот факт, что оружие поставлялось в контексте стратегического партнерства с СССР [11].

В 2005 году было устранено главное препятствие на пути развития российско-сирийских отношений. В ходе визита Башара Асада в Москву в январе 2005 года были достигнуты договоренности, вылившиеся в соглашение от 29 мая 2005 года по ранее предоставленным кредитам. В ходе данного визита также была подписана Совместная Декларация о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой. Данное соглашение опиралось на принципы Договора о дружбе и сотрудничестве от 1980 года, а также на так называемую Долгосрочную программу, и на правовой основе оформляло военно-политический союз РФ и Сирии. Так, в частности, договор предусматривал координацию российской и сирийской позиций и действий на международных площадках по основным вопросам международной безопасности, ближневосточного урегулирования и борьбы с терроризмом. В целях реализации предлагалось налаживание механизма консультаций между министерствами иностранных дел обеих держав, обеспечивая политический диалог на регулярной основе. Кроме того, отдельным пунктом договор затрагивал вопрос о военно-техническом сотрудничестве, имея ввиду взаимную заинтересованность в продолжении его развития [9].

Значение этого соглашения в развитии российско-сирийских отношений, а также различных сфер сотрудничества, в том числе и военно-технического, заключается в том, что оно обозначило начало широкомасштабного взаимодействия между двумя странами, продемонстрировав преемственность России советской политике в отношении ближневосточных партнеров. Реструктуризация долга означала для Сирии открытие доступа к заключению крупных контрактов по поставкам вооружения. Главным образом, ее интересовало улучшение системы противовоздушной обороны и приобретение, в связи с этим, комплексов ПВО С-300 и переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла» [11].

Помимо подтверждения в вышеуказанном соглашении сторон о продолжении военно-технического сотрудничества было заключено отдельное соглашение, в котором акцент был сделан на подготовку квалифицированных военных кадров для сирийских вооруженных сил.

Таким образом, в период с 2000 года по 2005 происходит прощупывание почвы, поиск путей развития союзнических отношений между РФ и САР, а также становление новых геополитических реалий на Ближнем Востоке, связанных с нарушением баланса сил в регионе вследствие вторжения США в Ирак. Это также послужило факторами, способствующими развитию контактов между сирийской и российской стороной. Вместе с тем, соглашения 2005 года показали, что Россия готова играть более активную роль на международной арене и восстановить свои позиции на Ближнем Востоке.

В период с 2006 по 2010 год Россия усиливает свои позиции на рынке вооружений – на нее приходится 23% совокупного объема торговли оружием. Активизация военно-технического сотрудничества с Сирией привела к тому, что доля российского вооружения в системе сирийского импорта составляла к 2010 году 48%, в то время как остальная доля приходится на Иран, Белоруссию, Северную Корею и Китай [4, с. 293].

На 2012-2015 годы приходится значительное расширение экспорта российского вооружения в различные регионы мира. Поставки военной техники и вооружений стабильно составляют 15 млрд. долларов, что представляет собой рекордную величину за весь постсоветский период [5]. Несмотря на то, что в системе российского экспорта основная доля поставок приходится на азиатские страны и страны Африки (до 60% и свыше 30% соответственно), а масштабы ВТС с Сирией не сравнимы с советскими, тем не менее его значение приобретает все более весомую стратегическую роль во внешней политике России. Это связано с эскалацией кризисной обстановки на Ближнем Востоке.

По мере эскалации сирийского кризиса существовало две точки зрения относительно поставок вооружения в САР: введение эмбарго, или продолжение поставок. Первой придерживались Турция,

США и Европейский Союз. Вопрос о введении эмбарго обсуждался в 2011 году в Совете Безопасности ООН, причем по данному вопросу не было единства. Россия и Китай воспользовались правом вето на внесенное предложение об угрозе применения санкций в отношении Сирии, аргументировав свою позицию тем, что давление, оказываемое санкциями на правительство, может привести к открытому военному вмешательству во внутренние дела [3, с. 22]. Россия, а также Иран, не приостановили поставки вооружений по существующим контрактам. Так, в 2012 году поставлялись танки различных серий, грузовые автомобили, боеприпасы, БТР-82, бронемашины «Рысь», а также 60 тонн боеприпасов, средства ПВО, происходил постепенный возврат Ми-24, находившихся на ремонте в России еще с 2008 года [11].

В 2014 году в Сирию осуществлялись поставки 36 российских учебно-боевых самолетов Як-130 по контракту, заключенному в 2012 году, на сумму 550 млн долларов. Вместе с тем, данные о поставках вооружений в период конфликта по большей части засекречены.

Позиция России по поставке вооружения правительству Сирии обусловливается как соображениями национальных интересов, преследуемых Россией в данном регионе, так и союзническими отношениями между САР и РФ, правовая база которых разрабатывалась с 90-х годов XX века. Заинтересованность России в сохранении существующего режима напрямую связана с национальными интересами: свержение правительства Башара Асада чревато приходом к власти радикальных исламских кругов. Как уже говорилось выше, это создает угрозу очага дестабилизации в геополитической близости от России. Руководствуясь целью предотвратить подобный сценарий, Россия попыталась в ходе принятия Договора о торговле оружием в 2013 году провести положение, запрещавшее снабжение оружием антиправительственных сил [2, с. 29].

Нехватка данных, освещающих военно-техническое сотрудничество Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики после начала операции российской авиации в сентябре 2015 года, обусловлена высокой степенью секретности. Известно только, что за период с 2012 по 2016 годы доля российского вооружения в совокупном импорте САР стала составлять 94% [2, с.35].

Подводя итоги, следует сказать, что военно-техническое сотрудничество, будучи одним из инструментов реализации национальных интересов России в регионе Восточного Средиземноморья, в своем развитии с 1991 года вплоть до начала российской военной операции в Сирии прошло несколько этапов. С 1991 года до начала XXI века военно-техническое сотрудничество между двумя странами не получило должного развития. Это обуславливалось как проблемой сирийского долга, так и общим «охлаждением» российско-арабских отношений после дезинтеграции СССР ввиду приоритетности для бывшего российского руководства западного внешнеполитического направления. Это, отчасти, стало следствием отсутствия в российском истеблишменте единого мнения относительно значения сотрудничества с Сирией для национальных интересов. Свою роль также сыграло состояние военно-промышленного сектора, ориентированного, главным образом, на коммерческую выгоду.

За период с 2000 по 2005 годы сложились предпосылки для восстановления военно-политических отношений РФ и САР, толчком к чему стало урегулирование проблемы сирийского долга.

Расширение военно-технического сотрудничества между РФ и САР в период с 2005 по 2015 годы обуславливаются как общим наращиванием производства российского ВПК, повышенным спросом Сирии на военную технику, так и политическими факторами, связанными с особенностями региональной ближневосточной среды. Среди внешних факторов следует отметить конфликтогенность ближневосточного региона, проблему международного терроризма. Все это составляет угрозу национальным интересам России, заинтересованной в балансе сил как залого стабильности в данном регионе, борьбе с международным терроризмом. К внутренним факторам следует отнести заинтересованность Сирии в модернизации ВС. Со своей стороны Россия заинтересована в реализации продукции ВПК. Кроме того, посредством военно-технического сотрудничества в Сирии Россия получила возможность укрепить свои позиции в данном регионе.

Наращение объемов поставок российского вооружения в Сирию с 2005 года означало восстановление военного присутствия Российской Федерации в Восточном Средиземноморье и отражало переход России к активной реализации национальных интересов в данном регионе.

Список литературы

1. Буневич, К. Г. Трансформация военно-технического сотрудничества в условиях глобализации / К.Г. Буневич // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: сайт. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 07.04.24).

2. Веземан, П. Д. Военные расходы и поставки оружия в страны Ближнего Востока и Северной Африки / П. Д. Везерман // Ежегодник СИПРИ 2017 «Вооружения, разоружение и международная безопасность». – 2018. – С. 29-35.
3. Веземан, П. Д. Ограничение поставок вооружений Африки / П. Д. Везерман // Ежегодник СИПРИ 2014 «Вооружения, разоружение и международная безопасность». – 2015. – С. 22 -26.
4. Веземан, П. Д. Поставки оружия в Сирию / П. Д. Везерман // Ежегодник СИПРИ 2014 «Вооружения, разоружение и международная безопасность». - 2015. – С. 293 – 295.
5. Заседание Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами 25 мая, 2015 г // «Президент России»: сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1/49527> (дата обращения: 07.04.24).
6. Кушнир, А. М. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами в системе военно-экономической безопасности / А. М. Кушнир // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: сайт. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-s-inostrannymi-gosudarstvami-v-sisteme-voenno-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 07.04.24).
7. Сирийский рубеж / отв. ред. М. Ю. Шеповаленко. – М.: АСТ- Центр, 2016. – 184 с.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о военно-техническом сотрудничестве (Дамаск, 27 апреля 1994 г.) // система Гарант: сайт. –URL: <http://demo.garant.ru/#/document/2562412/paragraph/41/highlight/РФ%20Сирия%20военно-техническое:6> (дата обращения: 03.03.24).
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики об урегулировании задолженности Сирийской Арабской Республики перед Российской Федерацией по ранее предоставленным бывшим СССР кредитам (Дамаск, 29 мая 2005 г.) // система Гарант: сайт. – URL: <http://demo.garant.ru/#/document/2564106/paragraph/170/highlight/СССР%20Сирия:3>. (дата обращения: 03.04.24).
10. Федеральный закон от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве с иностранными государствами» // система Гарант: сайт. –URL: <https://base.garant.ru/179054/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/> (дата обращения: 04.04.24).
11. Фролов, А. Итоги военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами в 2015 году / А. Фролов // Центр анализа стратегий и технологий: сайт. — URL: <http://cast.ru/products/articles/itogi-voenno-tekhnicheskogo-sotrudnichestva-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami-v-2015-godu.html> (дата обращения: 03.04.24).
12. Юрченко, В. П. Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами: состояние и перспективы / В. П. Юрченко // Институт Ближнего Востока: сайт. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=387> (дата обращения: 07.04.24).
13. Яременко, В. А. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / В. А. Яременко, А. Н. Почтарев, А. В. Усиков. – М.: Кучково поле, 2000. – 571 с.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024

Zenkovich, M. Y. *Military-Technical Cooperation with the Syrian Arab Republic from 1991 to 2015 as a Tool for Implementation of Russian National Interests in the Eastern Mediterranean Region*

The article analyzes the dynamics of military-technical cooperation between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic from 1991 to 2015, as well as the factors determining the scale of interaction between the two countries in the above area. Through military-technical cooperation with Syria, Russia has the opportunity to strengthen its position in the Eastern Mediterranean region. The increase in the volume of supplies of Russian weapons to the SAR since 2005 has marked the restoration of the military presence of the Russian Federation in the Eastern Mediterranean and reflected Russia's transition to the active implementation of national interests in this region.

Keywords: Russian Federation, Syrian Arab Republic, military-technical cooperation, national interests, arms supplies.

УДК 327:332(47)

В статье рассматриваются международные связи российских регионов как важный процесс, позволяющий участникам взаимодействовать, сотрудничать и достигать совместных целей в области политики, экономики, науки, культуры и других областях. Данные связи основаны на принципе взаимной координации решений и действий, предполагая согласование интересов и достижение взаимных выгод. Результаты международных связей выражаются в достижении конкретных практических результатов. Например, это могут быть международные соглашения, создание общих организаций или программ, реализация совместных проектов. Тем самым, международные связи российских регионов способствуют установлению стабильных и долгосрочных отношений между государствами, международными организациями и другими участниками мирового сообщества.

Ключевые слова: международные связи, приграничные связи, регионы, сотрудничество.

В. В. Стубер, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: Vlad.stuber@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Международные связи регионов России более активно начали развиваться в начале 2000-х годов. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, регионы России окрепли с точки зрения социально-экономического потенциала, прошли политические и экономические реформы, что привело к укреплению региональных структур и повышению их самостоятельности. Во-вторых, в этот период была оформлена соответствующая нормативная правовая база, регулирующая вопросы межрегионального и международного сотрудничества российских регионов [1, с.70].

Однако принципы сотрудничества регионов формировались задолго до начала 2000-х годов и основываются на международной практике сотрудничества государств. Эти принципы, в свою очередь, определяют участие регионов в международных связях. Кроме того, важно отметить, что основными элементами, при выстраивании международных связей российских регионов, являются общие цели участников сотрудничества, ожидание ими выгод от сотрудничества, взаимный характер этих выгод.

Международные связи регионов являются активной и динамичной сферой взаимодействия, которая облегчает сотрудничество и обмен опытом между различными регионами как внутри одной страны, так и между разными странами. Официальные документы в России используют различные термины для описания таких отношений, но все они указывают на значимость сотрудничества и взаимодействия регионов на международной арене [2, с. 115].

Одним из таких терминов является «международное сотрудничество регионов». Этот термин подчеркивает не только приграничное сотрудничество, но и трансграничное сотрудничество - то есть сотрудничество между регионами, не имеющими прямой (общей) географической границы. Примером такого сотрудничества может служить открытие представительств регионов Российской Федерации в странах, не имеющих непосредственной границы с Россией. Это подтверждается примерами, такими как открытие представительств субъектов РФ в странах, не имеющих прямой границы с Россией, а также создание рабочих групп по межрегиональному сотрудничеству между несоседними регионами, например, межрегиональная рабочая группа Постоянной российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, созданная в 2022 году.

Участие регионов в международных связях регулируется государственными и региональными документами, которые определяют правовую базу и принципы взаимодействия. Кроме того, актуальность международных связей регионов постепенно снижается из-за различных факторов, таких как напряженная международная обстановка, введение санкций в отношении России и конфликты на международном и региональном уровнях. Несмотря на это, в 2021-2022 годах наблюдается активизация сотрудничества российских регионов с рядом зарубежных стран. Состоялись встречи, подписаны соглашения и реализовываются программы сотрудничества с Азербайджаном, Белоруссией, Китаем, Таджикистаном, и другими странами.

Также стоит отметить, что в период с 2014 по 2020 годы были реализованы программы приграничного сотрудничества России со странами Европейского союза. Примерами таких программ являются «Россия-Юго-Восточная Финляндия», «Карелия», «Россия-Латвия», «Россия-Эстония» и другие.

Таким образом, российские регионы обладают значительным опытом и потенциалом в международном сотрудничестве. Они активно взаимодействуют с различными странами, осуществляют приграничное и трансграничное сотрудничество, а также развивают взаимодействие с регионами других стран. Этот опыт и потенциал важны для дальнейшего развития и укрепления региональных связей России с международным сообществом.

Однако на практике возникают проблемы, связанные с выстраиванием международных связей российских регионов.

Одной из основных проблем является недостаточная экономическая развитость ряда регионов России. Некоторые регионы обладают ограниченным экономическим потенциалом, что затрудняет их активное участие в международном сотрудничестве. Они испытывают трудности в привлечении иностранных инвестиций и развитии торговых отношений с другими странами. Эта проблема требует дополнительной поддержки и развития со стороны федерального правительства, чтобы предоставить регионам возможности для развития своих экономических потенциалов и привлечения иностранных партнеров.

Второй проблемой является непонимание возможных моделей межрегионального сотрудничества некоторыми регионами. Недостаток информации и опыта в области международных отношений приводит к недостатку понимания эффективных стратегий и инструментов сотрудничества. Регионы испытывают сложности в привлечении международных партнеров. В таких случаях важно повышать осведомленность и обучение региональных кадров, чтобы они могли разрабатывать и реализовывать эффективные международные стратегии своих регионов.

Третья проблема связана с отсутствием кадровых ресурсов, способных выстроить собственные международные векторы регионов. Развитие международных связей требует наличия высококвалифицированных специалистов, знающих языки, культуры и принципы международных отношений. Однако во многих регионах России наблюдается дефицит таких специалистов. Это ограничивает возможности развития международного сотрудничества и требует усиленного внимания к подготовке и повышению квалификации кадров.

Для решения этих проблем необходимо принять ряд мер. Во-первых, федеральное правительство должно сосредоточиться на развитии экономического потенциала регионов, предоставляя им финансовую и инфраструктурную поддержку, а также создавая условия для привлечения иностранных инвестиций. Во-вторых, следует улучшить информационную базу и проводить обучение и консультации по международному сотрудничеству для региональных кадров. В-третьих, необходимо разработать программы подготовки и повышения квалификации специалистов, способных выстраивать международные пути развития для регионов. Только путем решения этих проблем Россия сможет полностью реализовать свой потенциал в развитии международных связей регионов и получить максимальную выгоду от такого сотрудничества.

Важно отметить, что международные связи российских регионов делятся на несколько этапов, каждый из которых играет важную роль в развитии международных связей между регионами. На первом этапе встречи между участниками содействуют обмену информацией, обучению и пониманию контекстов сотрудничества. Это помогает установить взаимопонимание и развить доверие между участниками. На втором этапе происходит регулярный обмен информацией на условиях взаимности. Это позволяет участникам оставаться в курсе событий и актуальных разработок в других регионах. Третий этап связан с координацией действий между участниками. С устойчивыми трансграничными коммуникациями возникает потребность в координации, чтобы достичь согласованности и эффективности действий. На четвертом этапе участники начинают разрабатывать совместные трансграничные стратегии и планы. Это позволяет им принять интегрированный и скоординированный подход к важным областям сотрудничества. Пятый этап связан с принятием совместных решений. Эти решения, принятые участниками, в конечном итоге направлены на достижение конкретных целей и реализацию сотрудничества. На последнем шестом этапе инициированные совместные решения реализуются в практических проектах и деятельности. Важно, чтобы эти решения были выполнены совместно и скоординированно, чтобы достичь успеха и получить пользу от международных связей.

Этапность отношений участников международного сотрудничества подтверждается исследованиями профессора Х. Бека, который рассматривает шесть последовательных этапов. Каждый из них важен и необходим для успешного и эффективного сотрудничества между регионами.

Кроме того, в России существует единая скоординированная политика в области международного сотрудничества регионов. Ее осуществление возлагается на федеральные органы исполнительной власти, такие как Минэкономразвития и МИД РФ. Они отвечают за сбор информации и координацию сотрудничества между регионами. Согласование проектов соглашений о международном

сотрудничестве субъектов РФ происходит в соответствии с Федеральным законом от 4 января 1999 года № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации».

Для реализации стратегии международного сотрудничества регионов создаются различные институты, такие как комиссии, советы, форумы и конференции. Например, на основании поручения Президента РФ от 27 июля 2013 года №1777 проводятся мероприятия по развитию межрегионального сотрудничества, таких как Российско-киргизская межрегиональная конференция, Российско-армянский межрегиональный форум и другие.

Такие мероприятия способствуют укреплению взаимодействия между регионами, обмену опытом и развитию экономических, культурных и научных связей. Они также способствуют сближению различных региональных интересов и формированию общей стратегии внешнеполитического взаимодействия регионов России.

Зарубежные представительства субъектов РФ являются интересным явлением в российской практике международного сотрудничества регионов. Они открываются в целях реализации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей и их деятельность регулируется Федеральным законом от 4 января 1999 года № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Такие представительства не имеют статуса дипломатических представительств и не выполняют консульские или дипломатические функции, а их сотрудники не обладают дипломатическими привилегиями и иммунитетами. Представительства субъектов РФ за рубежом возглавляют только граждане РФ.

Открытие зарубежных представительств субъектов РФ позволяет регионам активнее привлекать иностранные инвестиции, осуществлять культурные и туристические обмены, развивать экономическое и научно-техническое сотрудничество. Они способствуют укреплению внешней образованности регионов и создают дополнительные возможности для развития их экономики и укрепления международного статуса.

Таким образом, современные международные связи регионов в России представляют собой скоординированную функциональную модель, которая все больше ориентируется на централизованную систему отношений между центром и регионами. Несмотря на значительную степень самостоятельности регионов во внешнеэкономических и международных культурных связях, наблюдается тенденция к укреплению роли государственных институтов в инициировании и поддержке межрегиональных проектов.

Государство создает условия для развития программ и проектов сотрудничества, формирует правовую среду, которая может способствовать или ограничивать развитие надгосударственных структур сотрудничества, в зависимости от интересов и целей сотрудничающих сторон. Например, система трансграничного международного гуманитарного сотрудничества и сотрудничество в области образования зависят от государственного регулирования, в частности, в сфере нормативно-правового обеспечения.

Однако следует отметить, что проекты международного сотрудничества регионов не реализуются исключительно государственными участниками. В них активно участвуют бизнес-структуры, институты гражданского общества и СМИ.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что международные связи регионов играют важную роль в современном мире. Они обусловлены не только географической близостью между регионами, но и наличием общих экономических комплексов, таких как энергосистемы и транспортные маршруты. Кроме того, связи регионов имеют целью решение общих проблем, поддержку культурных связей между народами, а также позиционирование регионов на международной арене для их инновационного развития, привлечения инвесторов и научно-технической кооперации.

Международные связи регионов могут принимать различные формы, начиная от простых форм сотрудничества и заканчивая интеграционными проектами и программами. Эти проекты и программы часто поддерживаются крупными организациями, такими как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и др.

Необходимо отметить, что хотя на сегодняшний день появились новые участники, такие как трансграничные корпорации и международные организации, государства и государственные институты остаются ключевыми участниками в организации и регулировании международных связей регионов. Бизнес-структуры и гражданские организации активно включаются в эти проекты и могут инициировать собственные инициативы в области межрегиональных связей, однако их реализация все же координируется государственными институтами.

Важно понимать, что международные связи регионов способствует развитию их экономики, созданию новых рабочих мест, обмену опытом и технологиями, а также развитию научно-

исследовательской деятельности. Кроме того, связи регионов способствуют развитию межкультурного диалога, укреплению дружественных отношений между народами и повышению международного престижа регионов.

Таким образом, международные связи регионов являются важным инструментом для достижения устойчивого и инновационного развития. Они способствуют укреплению взаимовыгодных отношений между государствами, обеспечивают развитие экономики регионов и увеличивают конкурентоспособность регионов на международной арене. Регионы становятся важными участниками в международном сотрудничестве на фоне ужесточения санкций в отношении России и государственных институтов федерального уровня.

Международные связи регионов реализуются на основе потребностей и возможностей каждого конкретного региона и его партнеров. Регионы стремятся развивать сотрудничество в таких областях, как экономика, туризм, образование, культура, наука и технологии. Они ищут новые рынки сбыта для своих товаров и услуг, привлекают иностранные инвестиции, развивают обмен студентами и специалистами, укрепляют дружеские и партнерские связи с зарубежными регионами.

Целью международных связей регионов в Российской Федерации является создание единой политики содействия и развития регионов в соответствии с основными целями и задачами развития государства в целом. Важно для регионов также учитывать основные направления региональной политики России, которые определены в стратегических документах, таких как Стратегия развития России до 2030 года.

Однако необходимо отметить, что международные связи регионов должны быть согласованы и координированы с федеральными органами власти. Ведь именно федеральное правительство является ответственным за внешнюю политику страны и координацию деятельности регионов на международной арене. Такое взаимодействие помогает сохранить единую политику международного сотрудничества и обеспечить эффективность регионального развития в интересах государства в целом.

Список литературы

1. Денильханов, И. С. Трансграничное сотрудничество как категория международных связей // Современные тенденции развития науки и производства. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева / И. С. Денильханов, Г. В. Косов. – Кемерово: Изд-во КГТУ им. Т.Ф. Горбачева, 2016. – С. 70-71.
2. Косов, Г.В. Каспийский регион в системе международных регионов / Г. В. Косов, О. М. Литвишко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 6 (36). – С. 111-117.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024

Stuber, V. V. *International Relations of Russian Regions: Theory and Practice*

The article examines international relations of Russian regions as an important process that allows participants to interact, cooperate and achieve joint goals in politics, economics, science, culture, and other fields. These relations are based on the principle of mutual coordination of decisions and actions, coordination of interests and achievement of mutual benefits. The results of international relations are expressed in the achievement of practical goals. For example, these may be international agreements, common organizations or programs, joint projects. Thus, the international relations of Russian regions contribute to the establishment of stable and long-term relations between states, international organizations and other participants of the world community.

Keywords: international relations, cross-border relations, regions, cooperation.

УДК 32:913(430)

ФРГ является сегодня одним из ведущих европейских государств, обладающих большим политическим и экономическим потенциалом. Новый вектор развития Германии в условиях международного кризиса, выраженный в провозглашённой федеральным канцлером О. Шольцем политике «Смены эпох», обуславливает трансформацию самого государства и его веса на международной арене. В данной статье анализируется концепция «геополитического статуса», а также даётся оценка состояния ФРГ в рамках этой политической модели.

Ключевые слова: геополитический статус, «Смена эпох», энергетический кризис

Д. О. Терникова, студентка

Московский государственный лингвистический университет

E-mail: ternikova.d.o@gmail.com

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС ФРГ В РАМКАХ ПОЛИТИКИ «СМЕНЫ ЭПОХ»

Концепция «геополитического статуса». В современной политологии отсутствует единая формулировка понятия «геополитический статус». Этот феномен характеризуется достаточно разнообразным набором критериев и, соответственно, не имеет определенной шкалы измерения. Поскольку данное понятие неразрывно связано с конкретным государством в конкретный период его развития, можно говорить о существовании геополитического статуса исключительно с учётом исторического контекста. В связи с тем, что сама по себе концепция геополитики возникла относительно недавно, термин «геополитический статус» и его анализ раскрывается в научной литературе достаточно редко.

Пожалуй, первые импульсы развития данный концепт получил в работах Фридриха Ратцеля, немецкого географа и этнолога, основоположника «политической географии» и одним из теоретиков геополитики в целом. Большое значение для развития вышеупомянутой науки имели две его работы: «Антропогеография», а затем «Политическая география», которая стала продолжением первого научного труда. Здесь ученый анализирует значимость географического положения государства, которое в корне определяет характер населения и перспективы его существования. Например, согласно Ратцелю, многие народы обречены на полное исчезновение в связи с неудачным географическим расположением их места обитания: сюда относятся островные народы, государства и государственные образования с небольшой плотностью населения и другие. В своей же работе «Политическая география» Ратцель впервые вводит термин «политическое пространство», определяя его влияние на государственное могущество. Он исследует значение территориального расположения, доступа к рекам, морям, протяжённости границ и т.д. Границы государств ученый рассматривает как периферийный орган, который является показателем силы или, наоборот, слабости. Успешность развития государства неразрывно связана с его способностью полноценно приспособиться к существующим условиям окружающей среды. Помимо прочего Фридрих Ратцель выделяет культуру как ещё один переменный критерий, который является индикатором уровня развития государства [4, с. 257].

Идеи Ратцеля развил и дополнил Альфред Мэхэн, американский стратег и адмирал, который стал основоположником концепции «морской силы». Несмотря на то, что в своих работах он делает акцент исключительно на создании мощного морского и торгового государства, Мэхэн определил ряд критериев, которые, безусловно, важны и для определения геополитического статуса государства. Прежде всего, согласно Мэхэну, стратегический статус определяется географическим положением, открытым доступом к морям и водным путям для развития торговли. Вторым критерием является «физическая конфигурация», то есть удобное и равномерное расположение морских портов на территории морских побережий, которое обеспечивает доступ к развитию торговых отношений и, вместе с тем, стратегическую защищённость. Следующий критерий – протяжённость береговой линии, здесь прослеживается связь между концепциями А. Мэхэна и Ф. Ратцеля, определяющих размер территории важнейшим показателем мощи (с той лишь разницей, что Мэхэн рассматривает морские державы, и, соответственно, территорию, имеющую выход к морю, а не площадь в целом). Следующие два индикатора связаны с населением, а именно, его численностью, которое способно обслуживать морские базы (как военные, так и торговые), и национальным характером (непосредственное желание людей, традиция заниматься морским промыслом). Последним критерием Мэхэн выделяет политический характер правления, который может либо способствовать правильному распределению

ресурсов – природных, производственных и человеческих – для создания великой морской державы, либо привести государство к стагнации. Несмотря на то, что вышеперечисленные критерии не являются универсальными, а в истории есть примеры не морских, а континентальных супердержав – например, Китай – некоторые из них всё же играют значимую роль для определения геополитического статуса.

Наконец, работы и Ф. Ратцеля, и А. Мэхэна были обобщены, развиты и дополнены в концепции, предложенной Николасом Спайкменом, известным американским геополитиком. Он сформулировал десять критериев, которые определяют геополитическое положение государства, уровень его могущества и положения по отношению к другим государствам. В своем труде «География мира» он выделил следующие положения: поверхность территории (рельеф); природа границ (доступ к морю, океанам); количество населения; наличие или отсутствие полезных ископаемых; уровень экономического и технологического развития; финансовая мощь; этническая однородность; уровень социальной интеграции; политическая стабильность; национальный дух.

Государства, которые имеют высокий показатель геополитического статуса, способны действовать на международной арене как независимые акторы. В случае же, если показатель относительно невысок, государству стоит реализовывать свою политику в рамках союзов или блоков. Н. Спайкмен рассматривает геополитику и составляющие геополитического статуса как инструменты, с помощью которых можно разработать эффективную стратегию.

Таким образом, можно утверждать, что геополитический статус – это значение, которое объединяет одновременно несколько показателей и определяет геополитическое положение государства в мире, возможность реализации национальных интересов [7, с. 69]; «политико-правовое положение государства или иного политического субъекта в рамках глобальной геополитической системы, которое характеризует его военно-политическую и экономическую мощь, возможности решения возникающих в той или иной сфере межгосударственных отношений проблем, то есть – геополитический потенциал» [2, с. 58]. Основными оценочными характеристиками, через которые выражается геополитический статус государства, являются следующие: территориально-географическое положение; состояние населения; наличие и степень военно-стратегической мощи, в том числе членство государства в международных организациях и его роль в них, способность вносить вклад в развитие международного сотрудничества; экономика; вектор внешней политики.

Геополитический статус ФРГ. В эпоху трансформации мироустройства и перехода к многополярности особенно возрастает роль геополитических факторов, отражающих реальную и потенциальную мощь государства. Основываясь на выделенных выше характеристиках, можно разделить анализ геополитического статуса на две категории: не претерпевающие значительных изменений константные значения и постоянно развивающиеся нестабильные категории. Каждый фактор играет большую роль в составлении общей картины и её оценке.

География и население Германии. Территориально-географическое положение Германии оценивается исследователями как преимущество и недостаток одновременно. В течение исторического становления Германии её главными конкурентоспособными оппонентами оставались Англия и Франция, опережавшие развивающуюся Германию в социальной и экономической сфере. Это непрекращающееся соперничество привело страну к «буму» капитализма в XX веке, перепроизводству и национальному кризису идентичности [3, с. 111]. Однако сухопутная граница с 9 государствами – Данией, Нидерландами, Бельгией, Люксембургом, Францией, Швейцарией, Польшей и Чехией – позволяет иметь тесное экономическое сотрудничество и выступать посредником в отношениях других политических акторов. Соседство со стабильными и развитыми странами обеспечивает спокойное развитие и отсутствие региональных конфликтов. Через территорию государства проходят многочисленные железнодорожные пути, пути авиасообщения, крупные автомобильные трассы. Аэропорт Франкфурта является крупнейшим по грузообороту в Европе. Достаточно обширна и речная сеть – реки Дунай, Рейн, канал Майн – через них осуществляется торговля, где ФРГ выступает не только как участник, но и как посредник.

Помимо возможности успешно вести торговлю на суше, Германия имеет выход к двум стратегически важным морям, Северному и Балтийскому. Благодаря тому, что оба моря не замерзают зимой, страна имеет возможность вести морскую международную торговлю круглогодично. Развитая сеть морских коммуникаций позволила ФРГ установить контакт с такими стратегически важными партнёрами, как США, Канада, Китай и другие. Протяженность береговой линии составляет почти две с половиной тысячи километров, контролируется крупными портами Гамбург, Бремерхафен, Висмар и другими. Согласно концепции А. Мэхэна, с таким территориальным потенциалом Германия вполне

может претендовать на роль морской супердержавы. Естественной преградой в Германии являются Альпы, наличие которых затрудняет взаимодействие с африканскими и азиатскими странами.

Государство располагается на Западноевропейской платформе, которая является относительно устойчивой, а потому Германия не подвержена различным природным явлениям разрушительного характера. Северная часть страны имеет плодородную почву, активно развивается земледелие, однако остальные территории гораздо менее пригодны для ведения активной деятельности подобного рода. Альпийские районы выражены, напротив, гористой местностью и предполагают молочное и мясное скотоводство.

Ограниченными являются и запасы полезных ископаемых, отсутствие которых делает Германию зависимой от импорта энергоносителей и сырья. В частности, велика зависимость от нефти и газа, ранее играющих важнейшую роль в российско-германских отношениях и поставляемых через более не функционирующие Северный поток – 1 и Северный поток – 2. На данный момент приоритетом развития энергетической политики ФРГ провозглашен переход на возобновляемые ресурсы энергии и максимально возможный отказ от импортных поставок сырья.

На конец 2022 года численность населения Германии составила 84,3 миллиона человек, что является максимальным показателем за последние несколько десятилетий. Такой рост обусловлен тем фактом, что ФРГ остается одним из наиболее предпочитаемых государств в Европе для иммиграции. Ежегодно тысячи людей – преимущественно из Турции, Сирии и Афганистана – подают заявки на убежище. В настоящий момент большой процент мигрантов составляют украинцы (не менее миллиона). Несмотря на достаточно строгое законодательство, поток нелегальной миграции из стран Ближнего Востока продолжает расти. В связи с этим миграционная политика включает в себя задачи налаживания связи со странами потенциального исхода, возвращение нелегально прибывших беженцев, квотирование всех желающих получить официальный статус. Одновременно с этим Германия остро нуждается в квалифицированных рабочих, наиболее предпочтительно – из стран Европейского Союза [6, с. 166]. Получение немецкого гражданства – долгий и трудоёмкий процесс даже для детей легальных мигрантов, рождённых на территории Германии. В этом случае применим термин «человек с миграционным прошлым». Перейти в статус полноценного гражданина можно лишь через три поколения после миграции.

Трансформирующиеся факторы. Германия имеет долгую историю становления регионально лидирующей державой, претендовавшей на мировое господство в период Второй мировой войны, но в итоге достаточно сильно и надолго ослабленной в результате поражения. Тем не менее, на данный момент Германия является одним из ведущих европейских государств наравне с Францией и обладает большим потенциалом стать единоличным лидером в Европейском Союзе. Политика ФРГ остается достаточно гибкой и доброжелательной для других стран региона, являясь для многих из них важным партнером и ориентиром. Экономический потенциал ФРГ на самом деле несравним с политическим, поскольку превышает его в разы. Германия стремится сохранить независимый статус даже при условии членства в крупнейших военном и экономическом блоках мира [5, с. 88].

Состояние внутренней и внешней политики претерпело большие изменения в связи с провозглашением федеральным канцлером О. Шольцем нового витка развития государства – реализации концепции «Zeitenwende» («Смены эпох»). В рамках обновленного политического курса немецкое правительство приняло ряд стратегически важных документов – первую в истории Стратегию национальной безопасности ФРГ, Стратегию в отношении Китая, проект Национальной водной стратегии – а также впервые отказалось от своих традиционных внешнеполитических принципов – в частности, от поставки вооружений в регион конфликта.

Отличительной чертой внешней политики Германии на протяжении долгого времени был отказ от применения военной силы. Отход от данной концепции предпринимался исключительно в ситуациях коалиционной поддержки действий трансатлантического альянса в Сербии и Афганистане [5, с. 91]. На данный момент немецкий Бундесвер может участвовать в санкционированных ООН миротворческих операциях по поддержанию мира и порядка в других государствах. Так, немецкие военные силы присутствуют в Косово, Мали, Ливане, Сирии, Ираке, Иордании, Южном Судане и других государствах. Официально ФРГ не обладает ядерным оружием, однако на территории страны располагаются военные ракетные базы США с ядерным оружием. Кроме того, в Германии отсутствует обязательная служба, что превращает армию в исключительно профессиональную отрасль.

ФРГ является членом Европейского Союза, Совета Европы, Европейского космического агентства, Европейского экономического союза, G4, G8, Международного валютного фонда, НАТО, ОЭСР, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, всех институтов ООН, Группы

Всемирного банка и Всемирной торговой организации. Актуализация атлантического сотрудничества в последние годы способствует усилению зависимости ФРГ от международной кооперации и торговли.

Экономика Германии является одной из самых развитых экономик Европы и всего мира. На 2022 год ВВП на душу населения составил 42 726 USD, уровень годовой инфляции – рекордные 7,9%, уровень безработицы – 5,6%. Доминирующими отраслями являются автомобильная, химическая и электротехническая, а особенностью немецкой экономики является её экспортоориентированность. Потенциал этой области определяет ФРГ как одну из ведущих держав всего мира, однако соотношение экономической и внешнеполитической мощи настолько разнится, что геополитический статус не соответствует реальным показателям влияния и возможной силы. Основная доля товарооборота приходится на европейские страны, что сужает пространство распространения влияния и превращает Германию исключительно в региональную державу. Несмотря на проявляющиеся тенденции экономического сотрудничества с государствами АТР и Ближнего Востока, правительство опасается развития активного взаимодействия. Так, энергетический кризис, вызванный прекращением поставок газа из РФ и закрытием проектов «Северного потока», заставил пересмотреть экономическое сотрудничество с государствами «коллективного Востока».

Деятельность «светофорной» коалиции отмечена бюрократическим застоем, непрекращающимся потоком нововведений, тормозящих развитие предприятий, а также резким повышением цен на энергетические ресурсы и, как следствие, стагнацией в сфере производства. Отсутствие качественной поддержки малого и среднего бизнеса, а также появление большого количества экономических рисков у компаний, чьё производство напрямую связано с рынками других государств, провоцирует потерю контроля правительства над ситуацией и большие убытки для предпринимателей. В связи с неудовлетворительными условиями для деятельности крупных предприятий ФРГ теряет свою привлекательность для инвесторов и характеризуется серьёзной рецессией.

В рамках «Смены эпох» ФРГ стремится минимизировать существующую зависимость от поставок товаров «чувствительных» отраслей, а также найти альтернативные источники энергетических ресурсов. Последнее реализуется путём укрепления сотрудничества Германии, государств Африки и Ближнего Востока, а также посредством перехода на «зеленую» энергетику.

Приоритетными направлениями внешней политики Германии на данный момент обозначены Европейский Союз, партнерские отношения с США и Францией, суверенность Европы, защита общеевропейских ценностей. Особую роль играет тандем Берлин – Париж, закреплённый в том числе «Берлинским заявлением» и направленный на укрепление роли Евросоюза, как самостоятельного политического актора, а также на энергетический и цифровой переход для создания нейтральных экономик государств-членов ЕС [1, с. 45].

Трансатлантический альянс является ещё одним приоритетным направлением внешней политики ФРГ. Несмотря на кризис в отношениях немецкого правительства и Белого дома в период президентства Д. Трампа, сегодня вновь наблюдается тенденция сближения и расширения взаимодействия в экономической и военной сферах. США является важным стратегическим партнёром, который во многом определяет приоритетные направления развития европейского региона.

Тем не менее, немецко-американские отношения носят двойственный характер, поскольку в последние годы тенденция к самостоятельности и независимой политике ФРГ начала обретать очертания. Всю вторую половину XX века в условиях Холодной войны и в первое время после прекращения существования Советского Союза Германия, как и большинство европейских государств, находилась под протекционистским куполом США, игравших роль единственного вектора политической и экономической силы мира. Выступление ФРГ против агрессии США в Иране положило начало осложнению отношений, а сокращение немецкого военного бюджета ещё более углубило противоречия. На данный момент Белый дом осуществляет достаточно гегемонистскую и подавляющую самостоятельность политику в отношении всего Европейского Союза, что сказывается и на европоориентированной концепции ФРГ.

Одной из причин политического курса «Смены эпох» стала эскалация российско-украинского конфликта и резкое похолодание в отношениях России и ФРГ. Традиционно сотрудничество Москвы и Берлина обладало особым статусом и не прекращалось даже под натиском неодобрения заокеанского партнёра. Политика нового канцлера оказалась, однако, следствием выраженной ориентации на коллективное мнение ЕС и Североатлантического альянса. В этой связи отношения двух государств переживают на сегодняшний день период экономической и политической стагнации.

Таким образом, ФРГ является на данный момент сильным и авторитетным политическим игроком в регионе. Геополитический статус, во многом выраженный состоянием внешнеполитических взаимодействий государства, на сегодняшний день претерпевает изменения. Во многом эти перемены

выражены в углублении противоречий в отношениях ФРГ и России, в отходе от полноценного и вовлечённого сотрудничества с КНР, ориентации на коллективные интересы ЕС и США в противовес собственным. Экономическая составляющая является сегодня одним из самых уязвимых мест ФРГ. Переход к совершенно иному способу энергетического обеспечения, а также отказ от ранее выработанных сценариев экономического сотрудничества ставит перед немецким правительством новые цели по преодолению неопределённости. Остальные же факторы, являющиеся крепкой базой для устойчивого развития страны, обуславливают высокий геополитический статус и, как следствие, перспективы регионального и международного влияния.

Большое влияние на реализацию Германией заложенного потенциала оказывает политический курс находящейся у власти коалиции. Канцлерство О. Шольца и деятельность его правительства во многом характеризуется осторожностью и ориентированностью на проведение немецкой политики в интересах Европы и США, что коренным образом отличается от подхода его предшественницы А. Меркель. В этой связи на сегодняшний день ФРГ не реализует свои возможности и перспективы становления независимым политическим актором на мировом уровне.

Список литературы

1. Белов, В. Б. Внешняя политика Германии в условиях актуальных вызовов / В. Б. Белов // *Journal of international analytics*. – 2021. – Вып. 12(3). – С. 38-58.
2. Надеждин, А. Е. Современная миграция в Германии: особенности и тренды / А. Е. Надеждин // *ДЕМИС. Демографические исследования*. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 163–174.
3. Пуховская, Е. Ю. География, геополитика, пангерманизм: у истоков немецкой харизмы / Е. Ю. Пуховская // *Известия Иркутского государственного университета*. – 2010. – №1 (4). – С. 106-115.
4. Рахманов, А. Б. Фридрих Ратцель: жизнь, антропогеография и геополитика / А. Б. Рахманов // *Личность. Культура. Общество*. – 2003. – Т. 5. – № 1-2. – С. 245-261.
5. Рукавицын, П. М. Геополитический статус ФРГ и его особенности на современном этапе / П. М. Рукавицын // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. – 2021. – Вып. 4 (845). – С. 86–102.
6. Фартушняк, Л. Л. Геополитический статус государства: сущностные характеристики / Л. Л. Фартушняк // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов* – 2008. – № 10 (28). – С. 57 -60.
7. Хаддад, М. Трансформация геополитического статуса Ближнего Востока / М. Хаддад // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. – 2018. – № 4. – С. 65-76.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024

Ternikova, D. O. *The Geopolitical Status of Germany in the Framework of the "Change of Epochs" Policy*

Nowadays, Germany is one of the leading European states with great political and economic potential. A new direction of Germany development in the context of the international crisis expressed in the policy of "Change of Epochs" proclaimed by Federal Chancellor O. Scholz determines the transformation of the state itself and its weight in the international arena. The article analyzes the concept of "geopolitical status" and provides an assessment of Germany developments within the framework of this political model.

Keywords: geopolitical status, "Change of epochs", energy crisis

УДК 327:316.75(430)

Федеративная Республика Германия – один из ключевых акторов международных отношений. Экономическая мощь страны и срединное положение в Европе обусловили ее позицию в мировом сообществе. Германия оказывает непосредственное влияние на формирование системы безопасности на европейском континенте. ФРГ со своими западными партнерами принимает внешнеполитические решения, которые определяют основные векторы развития событий на международной арене и воздействуют на характер складывающихся отношений. Начиная с 2022 года, Германия взяла курс на проведение «политики новой эпохи», в основе которой, как провозглашается, лежит опора на основополагающие ценности. Конструирование внутри- и внешнеполитической идентичности ФРГ стало одной из насущных потребностей политики страны.

Ключевые слова: Германия, политический миф, национальная идентичность, внешнеполитическая идентичность, внешняя политика, идеология, культура памяти.

В. В. Толстухина, студент

Московский государственный лингвистический университет

E-mail: tvv-pride@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ

Политический миф как составная часть идеологии государства. В современной научной мысли нации все чаще рассматриваются как продукт процессов коммуникации, формирующие идентичность страны. Она, в свою очередь, определяет национальные интересы страны, оказывающие влияние на внешнеполитическое поведение. Исследование конструкций национальной идентичности, неотъемлемым компонентом которой является и политическая мифология, становится важной частью изучения процесса формирования и реализации внешнеполитического курса.

Политический миф служит генератором смыслов для политически организованного общества и является основой социальной сплоченности в Германии. В ходе исследования его разновидностей предпринимается попытка внести вклад в понимание немецкой идентичности, ценностей, которыми руководствуется страна при проведении внешнеполитического курса.

В последние годы исследования политических мифов получили новый виток развития. Важность мифов в современной международной политике объясняется стремлением к упрощению восприятия людьми условий своего существования. При столкновении со сложными и абстрактными конструкциями научно-рациональных объяснений тех или иных явлений мифы выступают ярким объяснением и обобщающим пониманием растущего разнообразия сложных и взаимосвязанных обстоятельств, определяющих жизнь. В современном дискурсе политический миф описывается как нацеленный на наглядное, почти образное обобщение и иллюстрацию институтов в широком смысле, то есть включая нормы, правила и поведение [2, с. 37].

Политический миф можно определить как стереотипный, устоявшийся исторический образ и в то же время эмоционально окрашенную последовательность нарративов, объясняющих происхождение и объединение большой социальной группы [9, с. 424]. Такой миф свободен от эмпирической проверки и не согласовывается с логическими императивами, при этом его цель – формирование и трансформация политической реальности.

Способность политических мифов к поглощению субъективных интерпретаций и концентрации на общих, понятных и наглядных идеях делает возможным становление мифов как точек пересечения многообразных явлений и общего восприятия мира социальной общности. Упрощенное мифическое повествование в то же время может являться выразителем подсознательно «ожидаемых» массами убеждений. Миф защищает от нежелательных и угрожающих обстоятельств, что обостряет противоречия между мифическим и рациональным познанием. При этом, в отличие от религиозного мифа, в политическом отсутствует трансцендентальный компонент. Приверженность мифам приводит либо к примирению с реальностью, либо к преодолению ее за счет упрощения.

Мифы при всей неизменности своих основных положений в их интерпретации подвержены историческим изменениям, поэтому их повествование можно адаптировать к конкретным условиям. Политический миф подчиняется духу времени, представляет его в момент его возникновения, тем самым оказывая влияние на конечное оформление самого духа времени. Когда мифические

повествования передаются и сохраняются живыми, они закрепляют идентичность и формируют ценности. Второстепенное значение здесь имеет историческая реальность мифа, поскольку смысловой эффект в данном случае играет решающую роль. Именно по этой причине политический миф способен пережить периоды кризиса, социальных и политических потрясений.

Политический миф – неотъемлемая часть культуры памяти. Культуры памяти в контексте современных обществ, как правило, не имеющих ни религиозной, ни сословной легитимации [8, с. 34], особенно важны. Устойчивое чувство сплоченности больших социальных групп (народов и наций) формируется на представлениях об общем прошлом и общей судьбе [3]. Миф вносит в общественное сознание не только смысловой аспект и компенсирует неопределенность, но и конструирует чувство сопричастности и соучастия. Согласно утверждениям некоторых исследователей, роль политического мифа в социальной интеграции теряет свое значение в последние годы. На сегодняшний день значение приобретают мифы об образе жизни человека современном обществе и потреблении ресурсов, что приводит к фрагментации общества на индивидуализированные группы. Однако, значительное влияние мифы по-прежнему оказывают на построение политического сообщества и структуры институтов.

Миф является важной составляющей, принимаемой на веру, в ядре идеологии. Российский ученый А. Кольев в своей работе «Политическая мифология» отводит ему роль катализатора действия идеологии в практической действительности. Связующим звеном между мифическим повествованием и действительностью выступает идеология. Она придает политическому мифу логическую структуру и концептуальное выражение [6, с. 218-219]. Идеология, по мнению А. Савельева, без эмоционально окрашенного нарратива являет собой сухую, непривлекательную для народных масс, теорию.

Германский миф. Конструирующее значение для национальной и внешнеполитической идентичности Германии имела идея об «общем прошлом» немцев, заложенная в т.н. «Германском мифе». Этьенн Франсуа в качестве основополагающего элемента, создающего нацию, в работе «"Места памяти" по-немецки: как писать их историю?» выделяет веру в мифы, воспринимаемую в качестве подлинной истории нации. В силу исторических особенностей развития Германии, возникает необходимость в разграничении мифов, заложивших основу исторической национальной идентификации, не актуальных на сегодняшний день и мифов, возникших в послевоенные годы, и не имеющих связи с национальной идентичностью.

Основополагающий миф немецкой истории – Германский. Его единый нарратив составляют отдельные компоненты, взаимовлияющие друг на друга на протяжении истории, вытекающие один из другого и образующие структуру национальной идентичности. Такими составляющими Германского мифа являются мифы о древних германцах, о превосходстве немецкого языка, миф об Армии / Германе, миф о Бисмарке «Железном канцлере» и ряд других [5, с. 306].

Условно совокупный Германский миф можно разделить на две группы. В первую группу входят мифы об общем происхождении от древних германцев, миф о превосходстве немецкого языка, производный от них имперский миф. Группа этих мифов легла в основу национальной идеи немцев, объясняя самобытность немцев, наделенных особой миссией, происхождением от общих предков, древних германцев. Мифы, передаваемые на протяжении десятилетий через памятники, праздничные шествия, литературу и музеи, не только определил понимание немецкого национального характера и облика «истинного немца», но и стали центральной повествовательной основой разрушительной нацистской идеологии.

Во вторую группу входят мифы об исторических фигурах, практически канонизированных в определенные периоды истории страны героях. Они проистекают от основополагающих мифов, в ходе истории вступают с ними во взаимодействие и играют роль мотивирующей и объединяющей силы в истории немецкого народа. До утраты актуальности эти мифы главным образом оказывали воздействие на внешнеполитическую идентичность Германии и, как следствие, на внешнеполитическое поведение. В их основе лежит борьба с врагами, как внутренними, так и внешними. Влияние этих мифов можно проследить в немецко-французских войнах, в борьбе с внешними врагами за политическое преобладание в Европе и иных более ранних противостояниях. Национальная идентичность немецкого народа сформировалась в XIX веке. С начала века под давлением, в частности, со стороны Франции, Наполеоновских войн, мифы, долгое время конструируемые немецкими интеллектуалами, публицистами, художниками, писателями, не участвующими в политической жизни, приобрели актуальность в обществе и стали распространяться на политическое пространство в роли консолидирующей силы немецкого народа. Отправной точкой роста интереса к истории и началом мобилизующей роли мифа стало возникновение образа национальной освободительной войны [7].

Самым значимым мифом общегерманским мифом, согласно взглядам большинства немецких исследователей, является миф о вожде германского племени херусков Арминии / Германе. Обращение к этому мифу в XIX веке обосновано тем, что он остался в памяти народа как героическая фигура: победитель римлян, он бился за свободу страны и стремился к объединению племен. Идея победы над римлянами через объединение германских племен под героическим руководством этого вождя усилиями сочинений многочисленных интеллектуалов подстраивалась под современный контекст вплоть до объединения Германии в XX годы.

Как отметил немецкий политолог Герфрид Мюнклер в своей работе «Немцы и их мифы», миф о Германе использовался в моменты обострений интересов нации, споров о свободе и единстве немецкого народа. Политические деятели обращались к нему при возникновении внешних, в лице Рима, Польши, Франции, или внутренних, в лице евреев, врагов [13, с. 9]. Например, этот миф претерпел значительные изменения в течение XIX века. Идея братства свободных наций сменилась сильной антифранцузской подоплекой [12, с. 222], изменившей и усилившей представления малогерманцев об объединении страны под эгидой Пруссии под влиянием «наследственной вражды» к Франции. Миф о Германе ушел в прошлое и сегодня рассматривается как часть исторической реальности, выступающий проводником к менталитету прошлого. У послевоенной Германии возникла иная символическая политика и сформировался иной подход к мифотворчеству.

Трансформация политического мифа и его роли. В период становления ФРГ нуждалась в обосновании принципов нового демократического устройства. Проверенный источник легитимации, религия, к тому времени утратил свою силу в современном обществе, действия государства невозможно было оправдать через отсылку к предельно обоснованной безусловности и обязательности неприкосновенности. Основой легитимации нового на тот период государства послужили конструкции, в своем основании имеющие, в первую очередь, лингвистические ссылки на ценности и нормы, черпающие трансцендентное качество из языковой недоступности. Упрочнение основы государства в виде гражданского консенсуса стало возможным путем дискурсивного конструирования реальности. В основу этого процесса легло эффективное использование самим же государством его зависимости от субъективно воспринимаемых гражданами общих черт в форме ценностей, социального обеспечения или обещаний на будущее.

Одним из важных элементов идеологической составляющей дискурса выступают политические мифы. Общество на основании мифических повествований извлекает те фундаментальные цели и смыслы существования, которые формируют национальную идентичность и поддерживают государственное устройство.

ФРГ в послевоенные годы уже не могла апеллировать к прежней немецкой национальной идее, поскольку ее разрушительный характер, начавший проявляться еще с конца 1910-х гг. после установления «Вестфальского диктата», оказал непоправимое негативное воздействие на национальную и внешнеполитическую идею Германии. С распространением идей крайнего национализма, позднее расизма и антисемитизма нацистами активно использовались слова «народ» и «нация». Слово «народ» (*das Volk*) и производные от него словосочетания такие как «Народное движение» („*Völkische Bewegung*“), «Народный обозреватель» („*Völkischer Beobachter*“) были дискредитированы нацистским режимом [4, с. 119]. В политическом дискурсе более не было места ни тому, ни другому понятию. Германский исторический миф, ранее скреплявший нацию и порождавший патриотический чувства немецкого народа, также подвергся дискредитации нацистским режимом. Традиционный германский миф рассматривается в ряде исследований как средство рефлексии и составная часть истории, инструмент, с помощью которого можно проследить динамику прошлой жизни [7, с. 325]. Культура памяти Германии стала опираться на разрыв с традиционными ценностями. Представления о памяти не имеют основ и какого-либо словесного выражения, о национальном наследии даже не идет и речи. Такая культура памяти отказалась от идеи нации, в ее основе – современные мифы.

В качестве инструментов политического мифа современности выступают истории, фигуры речи и повествования, с намеренно заостренным эмоциональным содержанием, причем такое содержание в первую очередь оперирует к безопасности или отсутствию опасности, что подкрепляется провозглашением конкретных намерений и действий политических акторов, вселяющих в общество уверенность и стабильность. Описание событий становится ориентирами для дальнейших действий граждан. Важна в данном контексте устанавливаемая взаимосвязь настоящего с нарративной интерпретацией прошлого. Произошедшие события придают смысл настоящему и очерчивают ориентиры на будущее. Мифы рассказывают о происхождении политического порядка или определяют начало новой эры. Таким, например, был не только миф о «часе ноль» 1945 года в Германии, но и миф

о «возрождении чуда» в период объединения Германии. Несмотря на принципиальную разницу со своими предшественниками в содержании, современные мифы продолжают служить ориентиром в переломные моменты истории, воспроизводят исторически достоверные факты и интегрируют их в свои собственные повествования.

Новое самосознание западных немцев стало в итоге строиться на вере в миф об «экономическом чуде», отсылавший к экономической идентичности немцев. Его задачей было пересказать политические причины и случайные контекстуальные факторы подъема, объясняя их трудолюбием и мастерством немцев. Такой нарратив был создан с целью построения нового политического порядка, и успешно справился с задачей сплочения общества.

Экономическое благосостояние и социальная безопасность общества, способствуя укреплению чувства психологической безопасности, оказали одно из решающих воздействий на устойчивость государства и поддержку правящего режима народом. ФРГ как экономическое общество, не стремящееся стать как в прежние годы в первую очередь нацией и весомым политическим игроком, не вызывала недоверия со стороны международных игроков. Таким образом, в ФРГ сформировались благоприятные условия для проведения успешной внешнеполитической деятельности, которая стала и важным инструментом консерваторов по воздействию на население. Активная внешняя политика, по мнению консервативного блока ФРГ, укрепляла идеологические основы государства и отводила внимание населения от внутренних проблем.

Роль мифа о «Единстве» в конструировании идентичности Германии. Исследователи выделяют концепцию единства западной и восточной Германии как успешный государственный, но не национальный проект [11, с. 18]. Миф о «Единстве», лежащий в основе этой концепции, не имеет ничего общего с Германским мифом, который в прошлом имел реальную интеграционную силу. Действительная сила мифа о «Единстве» ставится интеллектуалами под большой вопрос. Немецкий диалог с прошлым основан на дистанцировании и преодолении трудностей, а не на приверженности традициям. Историческая рефлексия Германии на протяжении длительного времени сводилась к размышлениям о правлении национал-социалистов, переживанию комплекса вины.

В политическом дискурсе Германии довольно часто упоминается термин «идентичность», при этом трудно определить ее конкретную формулировку. Представления о памяти не имеют основ и какого-либо словесного выражения, о национальном наследии нет и речи. Как отмечено выше, «нация» и «национальный дискурс» в Германии по-прежнему относятся к ряду тем, соприкосновения с которыми общественность старается избегать. В рамках европейского сообщества немцы идентифицируют себя в первую очередь с европейцами, не с представителями нации. Германия в отличие от других стран Европы на сегодняшний день лишена национального мифа. Концепция нации и оперирование к Германскому мифу, используемые в современной Германии ультраправыми, например, в идеологии партии «Альтернатива для Германии», имеет негативный для правящих сил подтекст в виде привязки к исторической «гордости нации», и всячески отрицается.

Культура памяти, ориентированная на «жертвенный дискурс», стала оказывать значительное влияние на внешнеполитические ориентиры с середины XX столетия. Такая культура отказалась от идеи нации и ищет современные мифы в переработке прошлого, а не в призыве к будущему. Сегодня немецкие интеллектуалы придерживаются идеи «изобретения» немецкой нации с национальным нарративом, основанным на рефлексии и, что важно отметить, выборочном пересмотре истории немцев, с обязательной структурной составляющей памяти о жертвах нацистского режима и ответственности за преступления прошлого [2].

Преимуществом Западной Германии, а не естественные перемены, характеризует и внешнеполитическую деятельность современной Германии. В то же время в основе внешнеполитической идентичности страны лежит незыблемая опора на приверженность евроатлантизму. Слияние национальной идентичности с западными ценностями лишь подчеркивает связанность Германии с нарративами демократической идеологии. Карл Ясперс недаром отмечал, что «наша [немецкая] демократия родилась не из высокомерного духа освободительной борьбы, а предписана нам, когда мы были кучкой выживших немцев» [10]. В связи с этим рассмотрение влияния мифа как конструкта национальной идентичности на внешнеполитические интересы Германии и поведение подразумевает понимание этих интересов скорее как обусловленных международной и социальной средой, в меньшей степени – как сформированных в ходе общественно-политического процесса.

Мифотворчество в эпоху актуальных кризисов. На сегодняшний день Германия является зоной, в значительной степени свободной от мифов, как утверждает немецкий политолог Герфрид Мюнклер. Опора на политический миф не вписывается в политическую конъюнктуру современной

Германии. Успех канцлерства Ангелы Меркель и Олафа Шольца объясняется не сконструированным сильным мифологическим образом политика, а рассудительной политикой. В современных реалиях сложился скептицизм по отношению к мифам, содержащим историческую аналогию и демонстрирующих сильные образы. Эти обстоятельства подчеркивают изменение влияния мифа на современное, демократическое общество.

Некоторые эксперты связывают начало «смены эпох», провозглашенной Олафом Шольцем, как в том числе необходимый способ борьбы с мифологической путаницей последних лет. Выборочный подход к истории и пересмотр ее нарративов оформился и в резкой антироссийской направленности внешней политики. Принятие решения о поставке оружия на Украину в рамках новой концепции «смены эпох» фактически противоречит национальным интересам Германии. Ее стремление к активному реагированию на кризисы путем перехода к дипломатии с позиции военной силы и отказ от сохранения нейтральности, а также роли мирного переговорщика в пользу принятия стороны конфликта свидетельствует о новом витке развития внешнеполитической идентичности Германии.

Действия ФРГ за последнее время подчеркивают идеологизированность и радикальность ее внешней политики как страны, стремящейся выйти на новый уровень и увеличить свой политический и военный вес на международной арене [1]. В то же время в прямой связи с ограниченной субъектностью как игрока международных отношений, Германия сильно ограничена во внешнеполитических маневрах. По сути, характер принимаемых внешнеполитических решений не соответствует немецкой национальной идентичности и потребностям граждан-избирателей. Высока вероятность того, что современный миф не сработает должным образом ввиду нарастания экономических проблем, что приведет к углублению внутривнутриполитического раскола и турбулентности. Идеи о преодолении «чувства вины» и уже свершившемся искуплении вины Германии за бедствия национал-социализма находят в последнее время широкую поддержку среди населения.

До тех пор, пока политические мифы могут быть подвергнуты сомнению, допускают критику и размышления, они вполне совместимы с демократическим мышлением Германии. Демократии используют мифы, не заикливаясь на них, а применяя в качестве дополнительного инструмента реализации политики. В этих условиях представляется действительно перспективным противопоставить антидемократическим мифам не только голые факты и холодные аргументы, но и нечто вроде демократических контрмифов, примеры которых прослеживались в историческом контексте развития Германии с послевоенных лет.

Пока такие демократические контрмифы не станут идеологически жесткими, неоспоримыми и не поддающимися критике, мифы продолжают казаться не только допустимыми, но и совершенно неизбежными в современных политических реалиях. Как «смена эпох» повлияет на внешнеполитическую идентичность Германии, будет ли стиль политики Ангелы Меркель и Олафа Шольца заменен, остается неясным.

Список литературы:

1. Белозёров, В. К. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ / В. К. Белозеров // Россия в глобальной политике. – 2023. Т. 21. – № 5 (123). – С. 166-177.
2. Белозёров, В. К. Методы анализа стратегических культур / В. К. Белозеров // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 29-49.
3. Белозёров, В. К. Отечественная война 1812 года и политическая мифология России / В. К. Белозеров // Вестник аналитики. – 2012. – № 4. – С. 106-112.
4. Белозёров, В. К. Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе / В. К. Белозеров // Вестник Российской нации. – 2019. – № 5. – С. 118-125.
5. Заиченко, О. В. «Германский миф»: немецкие интеллектуалы в поисках «общего прошлого» и национальной идентичности / О. В. Заиченко // Диалог со временем. Альманах современной истории. – 2016. – №54. – С. 305-335.
6. Кольев, А. Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта / А. Н. Кольев – М.: Логос, 2003. – 384 с.
7. Dörner, A. Der Mythos der nationalen Einheit. Symbolpolitik und Deutungskämpfe bei der Einweihung des Hermannsdenkmals im Jahre 1875 // Archiv für Kulturgeschichte. – 1997. – № 79. – S. 389-416.
8. Erll, A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung / A. Erll – Stuttgart: Weimar, 2005. – 231 S.

9. Hein-Kircher, H. Überlegungen zu einer Typologisierung von politischen Mythen aus historiographischer Sicht – ein Versuch / H. Henning Hahn // Politische Mythen im 19. und 20. Jahrhundert in Mittel- und Osteuropa – Marburg., 2006. – S. 407-424.
10. Jaspers K. Dankesrede über Wahrheit, Freiheit und Friede. (Frankfurt am Main, 28 Sept. 1958) // Friedenspreis der Deutschen Buchhandels: сайт. – URL: <https://www.friedenspreis-des-deutschen-buchhandels.de/alle-preistraeger-seit-1950/1950-1959/karl-jaspers>
11. Sabrow, M. Mythos Einheit? Die deutsche Wiedervereinigung als zeitgeschichtliche Herausforderung / M. Sabrow. A. Koch // Experiment Einheit: Zeithistorische Essays. – Göttingen., 2015. – S. 9-27.
12. Mellies, D. „Symbol deutscher Einheit“. Die Einweihungsfeier des Hermannsdenkmals 1875 // Landesverband Lippe: 2000 Jahre Varusschlacht – Mythos. – 2009. – S. 222-228.
13. Münkler, H. Die Deutschen und ihre Mythen / H. Münkler. – Berlin: Rowohlt, 2009. – 608 S.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024

Tolstukhina, V. V. *Reflection of Political Myths in German Foreign Policy*

The Federal Republic of Germany is one of the key actors in international relations. The country's economic strength and its middle position in Europe have determined its position in the world community. Germany has a direct impact on the formation of the security system on the European continent. Germany and its Western partners make foreign policy decisions that determine the main vectors of development in the international arena and affect the nature of the emerging relations. Starting in 2022, Germany has embarked on a "new era policy", which, as it is proclaimed, is based on fundamental values. The construction of the internal and foreign policy identity of Germany has become one of the urgent necessities of the country's policy.

Keywords: Germany, political myth, national identity, foreign policy identity, foreign policy, ideology, culture of memory.

УДК 299.572:930.2

Статья посвящена такому явлению, как неоязычество. В ней разобраны некоторые причины его популярности, опора на псевдоисторию, а также проанализированы некоторые мифы, лежащие в основе неоязыческой философии: описан взгляд историков и лингвистов на так называемую «Велесову книгу», которая является библией неоязычества, а также разоблачены мифы о еврейском происхождении князя Владимира и о кровавом крещении Руси, бытующие среди современных адептов языческого мировоззрения.

Ключевые слова: неоязычество, мифы, фальсификация, псевдоистория, «Велесова книга», крещение Руси, князь Владимир

А. Б. Кривонис, д-р богосл. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: atim.seva@gmail.com

А. В. Фирсов, магистрант

Севастопольский государственный университет

А. Н. Дзедрович, магистрант

Севастопольский государственный университет

НЕОЯЗЫЧЕСТВО: РАЗОБЛАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МИФОВ

Неоязычество – это сравнительно новое явление западной культуры, которое пришло в Россию тридцать-сорок лет назад и расцвело в 1990-е гг. В чем причины распространения языческого взгляда на мир?

Варварское уничтожение природной среды, ее загрязнение в результате хищнического освоения природных ресурсов вызывает у людей протест и стремление к охране дикой природы. Да и сама жизнь в перенаселенных городах часто заставляет людей идеализировать неурбанизированный мир, создает неутолимое желание проводить как можно больше времени за городом и порождает поистине религиозное чувство при общении с миром живой природы. Атомизация, свойственная современному обществу, в свою очередь вызывает потребность в тесном неформальном общении, в простых человеческих взаимоотношениях, не отягощенных конъюнктурой и коррупцией. Это становится основой для создания «вторичных общин», скрепленных личной дружбой и общими духовными запросами.

Еще одной причиной рассматриваемого явления служит упадок и исчезновение народной культуры, гибнущей под нивелирующим катком модернизации и в еще большей мере в условиях глобализации. В этом контексте у людей возникает тревога по поводу своей этнокультурной безопасности, страх раствориться в чуждой среде и, что еще хуже, оказаться во власти неких «чужаков». Отсюда рост популярности этнонационализма, который иной раз для укрепления групповой сплоченности прибегает к религиозным ресурсам и пытается создавать «этническую религию», опирающуюся на языческое наследие.

Можно назвать еще много разных факторов, но главной причиной распространения неоязычества можно считать невежество и нежелание по-настоящему глубоко изучать свою историю, готовность следовать за эмоциональными призывами и отказ от рационального подхода.

Как отмечает М. Н. Кузнецов, все современное неоязычество строится на постулатах псевдоистории и псевдолингвистики, мифах о православном христианстве, мифах о язычестве, а также мифах, спекулирующих на национальном вопросе, то есть на фальсификациях. Группа псевдоисторических мифов является основой неоязыческой идеологии, призванной, во-первых, обосновать необходимость возврата к язычеству, показав невиданную мощь и прогресс

дохристианской Руси, а во-вторых, нивелировать все достижения Руси, произошедшие после Крещения.

Для формирования псевдоистории используются в том числе фальсификации исторических источников – создание никогда не существовавших документов либо поправки подлинных документов, что связано с целой системой различных приёмов и способов. И в том, и в другом случае налицо сознательный умысел, рассчитанный на общественное внимание, желание с помощью полностью выдуманных фактов прошлого или искажения реально существовавших событий «подправить» историю, дополнить её не существовавшими деталями. Хорошо, когда фальсификации вовремя разоблачаются, но бывает и так, что они живут, порождая новые мифы, расстаться с которыми бывает порой очень трудно [4, с. 15].

Ошибочно представление о том, что исторический миф – это продукт деятельности исключительно дилетантов и непрофессионалов, по неведению или злему умыслу искажающих прошлое. Иной раз миф создают и профессиональные историки. Все дело в интерпретации фактов, которая зависит от политических и мировоззренческих установок историка. Вряд ли стоит доказывать, что, исходя из одних и тех же фактов, историк-либерал и историк-консерватор сумеют создать весьма различные образы истории одного и того же общества. Это оказывается возможным:

- путем отбора фактов;
- приданием им разного значения (то, что один историк сочтет малозначительным, для другого может стать едва ли не основным);
- интерпретацией одних и тех же событий и фактов;
- следованием определённой философии истории, заставляющей видеть ее главную движущую силу в деятельности отдельных одарённых индивидов (царей, полководцев, общественных деятелей), народных масс, единой нации, расы, церкви и пр. При этом выбор философии истории определяется не столько внутренними потребностями профессии, сколько парадигмой, господствующей в науке в целом, или доминирующими общественными настроениями.

Таким образом, профессиональные историки тоже участвуют в создании национального мифа. Основой национального мифа нередко служит сказание о предках, в котором люди ищут источник нравственности, героизма, убежденности в идеалах, веры в справедливость.

Основные мифы, созданные вокруг неоязыческих идей, М. Н. Кузнецов разделяет на псевдоисторические и псевдолингвистические. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

1. «Велесова книга». Она не одно десятилетие будоражит умы любителей истории. На сегодняшний день ее суммарный тираж превышает несколько сот тысяч экземпляров, сделаны переводы на современный русский, украинский, сербский и английский языки. Самиздатовский выход «Велесовой книги» в Советском Союзе в начале 60-х годов XX века вызвал всплеск интереса к язычеству. Эта книга сформировала мировоззрение первых советских неоязычников и до сих пор для многих является авторитетным источником по славянской истории и религии.

По мнению сторонников подлинности «Велесовой книги», ее текст был написан новгородскими волхвами в IX веке, он содержит описание истории русов на протяжении нескольких тысячелетий, а также повествует о дохристианских религиозных представлениях русов [4, с. 97]. Стоит разобраться с историей появления «Велесовой книги», чтобы ответить на вопрос, является ли она аутентичным источником древней славянской истории и языческих верований или же это подделка под старину. Кто является ее популяризатором и что думает о «Велесовой книге» научное сообщество?

История появления «Велесовой книги» следующая. В 1953 году в эмигрантском журнале «Жар-птица» историк-любитель Ю. Миролубов, живущий в эмиграции, написал о том, как ему в руки попали некие древние дощечки с письменами. Дощечки эти были показаны ему офицером Белой армии Ф. А. Изенбеком в 20-е годы. По словам Миролубова, Изенбек нашел их при отступлении белогвардейских войск в некоей разоренной «красными» усадьбе. Изенбек отказался передать ему эти дощечки, но позволил работать с ними и переписывать их содержание. В 1941 году Изенбек умер, а в его доме гестапо произвело обыск, после чего дощечки бесследно исчезли. С 1953 года в журнале «Жар-птица» историк-любитель А. Куренков начинает цикл публикаций по машинописи, преданной ему Миролубовым и содержащей текст, якобы переписанный с утраченных дощечек. За период с 1953 по 1956 год в этом журнале текст Миролубова печатался лишь фрагментарно, но начиная с 1957 по 1959 год книга опубликована полностью [3, с. 57].

Название «Велесова книга» вводит в 1957 году еще один эмигрантский историк-любитель С. Парамонов, который становится одним из ее основных популяризаторов [3, с. 45].

Таким образом, первая полная публикация «Велесовой книги» состоялась в 1959 году, поначалу вызвав немалый интерес как в научных, так и в околонуточных кругах. Однако довольно быстро интерес

сменился однозначным вердиктом историков и лингвистов: «Велесова книга» — достаточно неумелая подделка [3, с. 45]. Что же привело ученых к такому выводу?

Уже сама история появления «Велесовой книги» весьма сомнительна. С дощечками, кроме Миролюбова, никто больше не работал, то есть он единственный очевидец оригинального текста. За пятнадцатилетний срок работы с дощечками он не только не привлек к их изучению специалистов, но даже не сделал их фотокопий. Единственная фотография, на которой якобы присутствует одна из дощечек, была признана экспертами фотографией рисунка на бумаге. Сочинения Миролюбова (9 томов) целиком посвящены доисторическому периоду жизни русов и содержат идеи, имена и формулировки, весьма близкие к «Велесовой книге». Между тем до 1952 г. (когда уже 6 томов из 9 были написаны), указывая источники своих данных, он нигде не упоминает «Велесову книгу» (более того, прямо говорит, что других свидетельств, кроме им упомянутых, он, к сожалению, не имеет), хотя позднее он сообщил, что познакомился с дощечками Изенбека в 1925 г. и кропотливо работал над их переписыванием в течение 15 лет [3, с. 55].

Мировоззренческие взгляды Миролюбова также удивительным образом совпадают с содержанием «Велесовой книги». Известен интерес Миролюбова к индуизму, и в «Велесовой книге» присутствует немало индуистских элементов, включая даже имена богов, которым якобы поклоняются древние славяне, однако никаких данных о наличии в славянском пантеоне индийских божеств не имеется [3, с. 134].

В «Велесовой книге» также видны явные лингвистические параллели со «Словом о полку Игореве», которое вызывало интерес Миролюбова. Совсем уж странным в сочинении языческих волхвов выглядят библейские цитаты, такие как «камни вопиют», «земля, текущая молоком и медом», «и ныне и присно и во веки веков» [3, с. 133].

Судя по всему, вынужденная эмиграция, оторванность от родины и в связи с этим своеобразное представление о национальной идентичности вызвали стремление принять желаемое за действительное, результатом чего и стало создание «Велесовой книги».

Стиль и язык «Велесовой книги» очень примитивны и не идут ни в какое сравнение с известными аутентичными летописями. Очень бедна «Велесова книга» географическими наименованиями и личными именами. Содержание ее довольно общее, как будто специально лишённое конкретных фактов. Порой текст подчеркнуто наивен: «В то время князи много трудились. И был тогда Кышек, велик и мудр. И умер он, и после него были иные, и каждый творил что-нибудь хорошее» [1, с. 56]. Ничего подобного в ранних русских литературных памятниках нет, напротив, их тексты, как правило, очень насыщенные и продуманные, изобилуют географическими названиями и именами.

Язык «Велесовой книги» представляет собой неумелую попытку подделки под старину, что, по мнению автора, достижимо с помощью бессистемного коверканья слов. Профессор О. В. Творогов отмечает: «Нет такого языка, который не имел бы устойчивой фонетической системы, единых правил грамматики, так нарушал бы хорошо изученные закономерности развития всех славянских языков» [3, с. 69].

Аналогичного мнения относительно «Велесовой книги» придерживается А. А. Зализняк — один из ведущих лингвистов современности, поставивший точку в долгом споре о подлинности «Слова о полку Игореве». Он писал: «Версия подлинных дощечек IX века — очевидная нелепость. Сколько-нибудь весомые лингвистические аргументы в пользу подлинности «Велесовой книги» просто отсутствуют» [3, с. 156].

2. Миф о еврейском происхождении князя Владимира.

Неоязычество за короткий срок набрало популярность и обзавелось немалым числом сторонников. Его адепты выработали набор простейших лозунгов и мифов вроде «мой бог меня рабом не называл», «кровавое крещение Руси» «слава роду, смерть уроду», «слава богам и предкам нашим» и т. п.

В силу измененного современными массмедиа сознания у части нашего общества информация, основанная на текстах, апеллирующая к логике и разуму, практически не воспринимается, напротив, та информация, которая приходит в образах, впечатлениях и вызывает к эмоциям, усваивается достаточно просто. Поэтому нет ничего удивительного, что подобные неоязыческие мифы и лозунги, имеющие яркую эмоциональную окраску, легко воспринимаются некоторыми людьми и становятся основой их мировоззрения [1, с. 40].

Первым канон неоязыческого «фольк-хистори» установил В. Емельянов в своей книге «Десионизация». В ней впервые прозвучали псевдоисторические нападки на князя Владимира, в частности миф о его якобы иудейско-хазарском происхождении, дается уничижительная

характеристика всему периоду его правления, а Крещение Руси преподносится как акт тотального террора против языческого большинства [1, с. 49].

Уверяют, что якобы «его матерью была еврейка Малка, дочь раввина, тоже носящего имя Малк, из русского города Любеч». Мать князя Владимира звали Малуша, это славянское имя. Согласно словарю Даля, слово «малуша» происходит от прилагательного «малый», это женская форма имени Мал. Подобные «говорящие» имена были нередки в языческой Руси. Оно могло означать, что Малуша была младшей дочерью в семье или имела малый рост. Она была рабыней княгини Ольги. Но затем вступила в незаконную связь с сыном Ольги Святославом. Княгиня Ольга, прогневавшись, отослала ее в село Будутино, где та и родила Владимира [1, с. 55].

Отцом Малуши и ее брата воеводы Добрыни (тоже славянское имя) назван Малк Любечанин. Все ученые согласны в том, что он был славянином, но есть разные версии о том, к какому конкретно племени он принадлежал. Д. И. Прозоровский и А. М. Членов полагали его древлянином, В. Н. Татищев и Т. А. Берштам полагали, что он из балтийских славян, выходец из г. Любека, И. Мыцко предположил, что он был из западных славян, из чешского г. Либице [1, с. 55]. Но славянское происхождение его вне сомнений, что видно из славянских имен его детей и из его собственного имени. Вся версия Емельянова строится на предположении, что имя Малк происходит от еврейского слова meleh («царь»). Это из того же типа доказательств, как и английское lady будто бы происходит от «богини Лада». В действительности Малк — это древнее славянское имя.

«Благодаря научным открытиям М. А. Геденова и работе собирателя древнерусских имен Н. М. Тупикова в нашем распоряжении имеется целый список личных имен древней и средневековой Руси. Информации, представленной в работе Н. М. Тупикова «Словарь древнерусских личных собственных имен», уже достаточно для закрытия еврейской родословной Владимира. В качестве примера приведем данные исследователя по антропониму Малк. Н. М. Тупиков приводит около десяти вариантов личного имени и пять образованных от Малка отчеств. Большинство имен датируется XVI–XVII вв. и принадлежит крестьянскому, безусловно, наиболее патриархальному населению. Из чего можно сделать вывод о славянском происхождении данного антропонима, его древности и временной устойчивости» [1, с. 55–56].

Как отмечает М. Н. Кузнецов, тема с «раввином» взята Емельяновым с потолка. В Повести временных лет сообщается, что княжна Рогнеда отказалась выходить замуж за Владимира, сказав, что не хочет «разувать (т. е. снимать обувь) робичича (сына рабы)». Емельянов же объявляет, что это будто бы означает «раввинич», откуда и делается вывод про то, что его дед Малк был раввином. Розумеется, ни одного примера употребления славянами слова «робичич» в значении «внук раввина» они привести не могут, но, как мы знаем, такие «мелочи» псевдоученых никогда не смущают [1, с. 56]. Как и то, что сам контекст фразы Рогнеды указывает именно значение от «раб».

Также неоязычники указывают на то, что в некоторых древних текстах князь Владимир именуется титулом «каган». Это будто бы доказывает, что он был еврей. В действительности это еще раз доказывает их невежество, поскольку ничего «чисто еврейского» в этом термине нет. Само это слово тюркского, а не еврейского происхождения. Каган — это высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии. Хан ханов. В истории известно три каганата — Аварский, Тюркский и Хазарский. Киевский князь Святослав, разгромив последний, согласно древним представлениям, получил в качестве «трофея» титул «каган» для себя и своих потомков. Поэтому в древних источниках название «каган» прилагается не только к князю Владимиру, но и к князю Олегу Святославичу и к князю Ярославу Мудрому. Точно так же и после присоединения Финляндии к России российские императоры получили дополнительный титул «Великий князь Финляндский», но это не значит, что они были финнами [1, с. 56].

Если бы князь Владимир был евреем и его дядя и ближайший соратник воевода Добрыня был «сыном раввина», то почему они не приняли иудаизм в качестве религии Руси? Прецеденты такие уже были — Химьяр и Хазария.

Кроме того, если, как уверяют язычники, Владимир насадил новую веру насильно, не все ли равно тогда, что насаждать? Если язычники одинаково противились и христианству, и иудаизму, почему бы не выбрать тогда иудаизм? Если Владимир и Добрыня были якобы тайные иудеи, зачем им с риском для своей жизни насаждать на Руси христианство — религию, которая вела многовековую полемику с иудаизмом? Какая в этом логика [6, с. 30]?

3. Миф о кровавом Крещении Руси.

Как было сказано выше, язычники уверяют, что Владимир насадил новую веру насильно — используя кровавый террор.

Однако летописи свидетельствуют, что Крещению Руси предшествовала работа с миссионерами как самого князя, так и его приближенных. Владимир отправил послов в те страны, вероисповедание которых его заинтересовало, и лишь затем «созвал князь бояр своих и старцев, и сказал: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними» [1, с. 51]. Только когда окружение князя и наиболее уважаемые жители Киева согласились принять православие, Владимир решил на Крещение Руси.

Летописи говорят о мирном и спокойном крещении населения в основных славянских городах. В городах со смешанным славяно-угро-финским населением этот процесс длился дольше, порой растягиваясь на несколько веков, но ни о каком массовом насилии или убийствах при крещении летописные свидетельства не сообщают, как не говорят о чем-либо подобном и зарубежные источники. Только в так называемой Иоакимовской летописи, которая, с точки зрения ученых, является очень сомнительным источником позднего происхождения, откровенной фальсификацией, говорится о восстании части новгородских горожан против киевских посланников. В этой же летописи содержится поговорка, которая свидетельствует об исключительности данного эпизода, породившего насмешку над новгородцами: «Оттого люди поносят новгородцев, что, мол, Путята крестил мечом, а Добрыня – огнем» [5, с. 50].

Также нет никаких археологических свидетельств «кровавого крещения», они уж точно не стали бы замалчиваться в годы воинствующего атеизма. Никаких свидетельств об этом не находят и в сравнительно недавно открытых берестяных грамотах, автором которых был простой люд. Молчат о «кровавом крещении» летописи мусульманских соседей Руси. Если предположить, что крещение было насильственным, то логичным было бы и наличие жертв со стороны крестителей-христиан, которых Церковь запечатлела бы в помянниках как святых мучеников, но ничего подобного опять же нет [1, с. 52]. Кроме того, после Крещения Русь продолжала вести успешные войны и территориально расширяться, что немыслимо в условиях религиозной междоусобицы.

И наконец, абсурдной является сама идея о возможности крестить Русь с помощью воинской силы. В случаях необходимости ведения военных действий на Руси того времени собирались племенные ополчения, а личная княжеская дружина была очень невелика и составляла не более полутысячи воинов. Победить с пятью сотнями воинов, воюя против всей страны, где каждый мужчина с двенадцати лет имел оружие, сопоставимое с вооружением дружинников, — это из разряда фантастики, причем совершенно ненаучной. Вспомним, что стало с князем Игорем, дедом Владимира, который всего лишь повторно приехал за данью к древлянам. Поэтому все разговоры о «кровавом крещении Руси», при котором якобы погибли 9 миллионов русских, не более чем ложь современных многобожников, предавших осознанный и свободный выбор своих предков [5, с. 53].

Подробно рассмотрев и проанализировав основные мифы российских неоязычников, этой статьей подготовлена доказательная база в полемике с адептами этого учения. Стоит отметить, что мифы в большинстве своем, являются проявлением невежества и отсутствием основательных знаний. Однако миф не возникает на пустом месте, он является ответом на запрос, который существует в определенных слоях общества. Борьба за глубинные смыслы бытия должна проводиться с уважением и тактом к инакомыслящим, однако, не поступаясь с истиной. Идеи неоязычников носят эмоциональный характер более чем последовательная аргументация с доказательной базой. Эмоции – вот главный рычаг, с помощью которого русского человека сдвигают в нужную манипуляторам сторону и погружают в пучину ненависти. Но ведь известно, что русский народ как группа людей, обладающих национальным самосознанием, сложился именно после принятия Православия как единой веры. В связи с чем, рассуждая о том, какая вера свойственна русскому народу, естественно будет сказать, что это та вера, благодаря которой он и возник как народ, то есть Православие.

Список литературы

1. Алексеев, А. А. Опять о «Велесовой книге» / А. А. Алексеев. – Русская литература, 1995. – № 2. – С. 248–254.
2. Козлов, В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков / В. П. Козлов. – М., 1996. – 271 с.
3. Кузнецов, М. Н. Российское неоязычество. История, идеи и мифы / М. Н. Кузнецов. – Рязань: Зёрна-Слово, 2018. – 176 с.
4. Максимов, Георгий, диакон. Православие и неоязычество: где правда? / Диакон Георгий Максимов. – М.: Православное миссионерское общество имени преподобного Серапиона Кожезерского, 2014. – 128 с.

5. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / отв. ред. А. Е. Петров, В. А. Шнирельман. – М.: ИА РАН, 2011. – 381 с.
6. Что думают ученые о «Велесовой книге»: сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) / Сост. А. А. Алексеев. – СПб.: Наука, 2004. – 237 с.

Статья поступила в редакцию 1.03.2024

Krivos, A. B., Firsov, A. V., Dzedrovich, A. N. *Neoheathenism: Exposing Some Myths*

The article is devoted to such a phenomenon as neoheathenism. It explains some reasons of its popularity, its reliance on pseudohistory and analyzes some myths used in neoheathenistic philosophy. It describes an opinion of historians and linguists about the book of Veles, which is considered to be a neoheathenistic bible. Also the article exposes a myth that Vladimir the Great was Hebrew and a myth that Russia was aggressively baptized with a lot of blood.

Keywords: neoheathenism, myth, falsification, pseudohistory, book of Veles, baptism of Russia, Vladimir the Great.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.136+165.812

В статье рассматриваются онтологические и гносеологические аспекты философии Джорджа Беркли в контексте основных положений номинализма. Проводится исследование концепции зрительных восприятий и их зависимости от первичных и вторичных качеств познаваемых объектов. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой интерпретации базовых философских категорий (материя, восприятие) в рамках подходов, свойственных для английского эмпиризма. Также проводится сравнительный анализ позиций различных философов в отношении проблемы понимания сущности причинно-следственной связи.

Ключевые слова: субъективный идеализм, номинализм, материя, эмпиризм, рационализм, акциденция, универсалии, искусственная реальность, фантоматика.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: tkachenko.rv5150@mail.ru

ИДЕАЛИЗМ ДЖОРДЖА БЕРКЛИ. НА ПОДСТУПАХ К КОНЦЕПЦИИ ИСКУССТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Проблема формирования в сознании человека искусственных представлений о структуре реальности имеет более давние корни, чем может показаться поклонникам «Матрицы», «Бегущего по лезвию бритвы» и иных голливудских блокбастеров, активно обращающихся к данной тематике. Где грань, за которой человеческий разум перестаёт отделять искусственно созданные образы и помещённые в его сознание представления от реально существующих объектов и явлений, от понимания реальных процессов? И существуют ли фундаментальные критерии (наподобие декартовского «*Cogito ergo sum*»), позволяющие обозначить первичную достоверность и, следовательно, реальность (хотя данный термин можно подвергнуть множеству гносеологических вариаций)?

Обращаясь к генезису подобной идеи, мы можем встретить её абрис в работах многих мыслителей прошлого. Здесь уместно вспомнить и работы Чжуан-Цзы, в которых указывается на смешение в человеке естественных склонностей и приобретенных, и учения Горгия, наметившего основные положения солипсизма. Кроме того, идеи о реальности как игре собственного сознания и субъективных представлений активно встречаются в восточных философских системах (например, в дзен-буддизме). Следовательно, данная позиция не нова и не является порождением адептов футурологии (с их конструкциями социумов, полностью переместившихся в виртуальную реальность) и специалистов в области высоких технологий.

В качестве одного из фундаторов, заложившего и рассмотревшего первичные принципы формирования представлений о не-реальности и поставившего под сомнение многие философские категории (прежде всего категорию материи), стоит упомянуть Джорджа Беркли (1685 – 1753). Выпускник Тринити-колледжа, епископ Клойна (епархия Римско-католической церкви в составе митрополии Кашела и Эмли в Ирландии), тесно общавшийся с Джонатаном Свифтом, и основатель миссии для язычников на Бермудских островах (данное предприятие, впрочем, не увенчалось успехом). Ему приписывается авторство известного выражения «Развитие империи направлено в сторону запада» [9, с. 732]. Вследствие всего вышесказанного, в честь епископа Беркли был назван город на берегу залива Сан-Франциско, прославившийся своим университетом (Калифорнийский университет в Беркли) и радикальными студенческими движениями.

В своих работах («Опыт новой теории зрения», «Трактат о принципах человеческого знания», «Три разговора между Гиласом и Филонусом» и др.) Беркли вносит довольно весомый вклад в разработку многих гносеологических вопросов, в частности в исследование концепции зрительных восприятий и в понимание свойств материи. Обратимся к анализу некоторых аспектов философии Джорджа Беркли.

Так, в «Опыте новой теории зрения» (1709) мыслитель приводит переосмысление гносеологических концепций (прежде всего, связанных со зрительным восприятием расстояния) и критически пересматривает позиции Декарта и рационалистов с позиции эмпиризма. Беркли, в отличие от представителей картезианской философии, отстаивает идею, что перцепция пространства не дается человеку в зрительном восприятии. Согласно Беркли, при непосредственном восприятии мы можем наблюдать только фигуры и цвета. Восприятие же расстояния связано с эмпирикой и опытом.

Анализируя объекты восприятия, Беркли сводит их к двум возможным категориям. Первая категория – это объекты непосредственно «схватываемые» глазом при зрительном восприятии, вторая – формируется при помощи первой. В «Опыте новой теории зрения» епископ Беркли указывает: «Объекты первого рода могут увеличиваться или уменьшаться, становиться более смутными, более ясными или более слабыми. Но они не могут приближаться или удаляться от нас.... Всякий раз, когда мы говорим, что объект находится на расстоянии, мы должны всегда подразумевать объект второго рода, не столько воспринимаемый в действительности, сколько внушаемый глазом» [2, с.40]. То есть Беркли в отношении зрительного восприятия придерживается своеобразной двойственной позиции. Мы можем воспринимать посредством наблюдения только фигуры с их объемом и цвета. Что же касается расстояния и протяженности, то представления о данных величинах формируются не при помощи зрения, а внушаются уму, прежде всего благодаря эмпирике и суждению, чем непосредственному ощущению. «Линии и углы не имеют реального существования в природе и представляют из себя лишь гипотезу, созданную математиками и введенную ими в оптику с целью получить возможность трактовать эту науку геометрическим способом» [2, с. 23].

По утверждению Беркли, расстояния и величины не выступают в качестве первичных непосредственных качеств, а являются порождением человеческого представления. «Число не есть нечто существующее в самих вещах. Оно есть создание духа, рассматривающего или простую идею саму по себе, или какую-либо комбинацию простых идей» [5, с. 182]. Таким образом, автор трактата о новой теории зрения стремится обосновать отсутствие сходства между идеями зрения и воспринимаемыми вещами. То есть человеческое зрение (как и в целом, человеческое восприятие с его субъективностью) не даёт адекватного понимания природы мира и не может выступать в качестве абсолютного довода при обосновании реальности. «Первичные качества, особенно фигура и движение, присущи внешним, немслящим субстанциям. ... Движение может казаться быстрым одному человеку и медленным другому» [9, с. 735].

Следующим объектом критики епископа Клойна становится такая фундаментальная категория как «материя» (центральная категория при обосновании довода о материальности мира). Данную позицию Беркли развивает в контексте критики существования универсалий, исходя из позиций локковского номинализма, но делает это более радикально (а порой даже и парадоксально).

Так, Беркли прибегает к анализу представлений о первичных и вторичных качествах объектов, согласно которому первичные качества являются объективными (присутствующими непосредственно в самих телах и предметах), вторичные же выступают как субъективные и привносятся в восприятие органами чувств (следовательно, присутствуют в человеке как гносеологическом субъекте). Бертран Рассел в своей «Истории западной философии» указывал: «Беркли доказывает, что мы не воспринимаем материальных вещей, а только цвета, звуки и т.д., и что они являются «психическими», или существующими в уме». Его обоснования чрезвычайно убедительны относительно первого положения, что же касается второго, то у него нет никакого определения слова «психическое»» [9, с.736]. И тут открывается благодатное поле для сведения ощущения внешнего мира исключительно к субъективности восприятия. Согласно Беркли, существовать – значит быть воспринимаемым. Человек не в состоянии помыслить какие-либо объекты независимо от их ощущения и восприятия. «Если мы не в состоянии отличить свойства, которыми вещи обладают независимо от нас, от свойств, которые зависят от нас, то мы должны сказать, что в действительности все свойства являются субъективными. Мы можем показать, что такие свойства, как цвет, запах, вкус, тепло являются зависимыми от нас» [10, с. 370]. Следовательно, «объект и ощущения – одно и то же (are the same thing) и не могут быть абстрагируемы одно от другого» [2, с. 139].

После сведения восприятия к отражению субъективности неизбежно возникает вопрос «А что же является реальным?», что стоит за субъективными перцепциями и можем ли мы обосновать объективность и (следовательно) материальность мира? В этой ситуации епископ Клойна совершает парадоксальный смысловой кульбит. На первое место выдвигается вопрос: «А что такое сама материя? И возможно ли её существование вне наших ощущений?». Таким образом, Беркли пытается выбить из-под ног материалистов фундирующую категорию их философских конструкторов и мировоззрения. Причем такая категория как «материя», становится объектом критики как с точки зрения восприятия

(восприятие материи, согласно Беркли, происходит только через акциденции – вторичные качества), так и с точки зрения номинализма (лишение общих понятий онтологического статуса). «Ещё одна специфически берклианская тенденция в философии – отрицание «реальности» абстрактных идей. Беркли, по сути дела, продолжает здесь линию локковского номинализма, но делает это ещё решительнее, пытаясь преодолеть его материалистический уклон» [5, с.184].

Однако стоит более подробно проанализировать разницу берклианского и локковского подхода при рассмотрении материального. Так, у Локка (впрочем, как и у Декарта) сами вещи наделяются общими и отвлеченными атрибутами. Беркли же стремится проиллюстрировать невозможность существования отвлеченных всеобщих категорий. Согласно позиции епископа Клойна, не может существовать некоего отвлеченного пространства (протяжения), положения, объема или формы. Не может быть мыслима форма или объем какого-либо объекта (фигуры) вне этого объекта или фигуры соответственно. Следовательно, не может быть мыслима и такая глобальная абстрактная категория как «материя». «Не существует той общей сущности, которую не видел ни один человек, и которая была вымышлена и составлена из отвлеченных свойств, - сущности, называемой философами материей. Все материальные свойства вещей лишь отношения, которые мы прибавляем к первоначальным свойствам» [3, с. 333]. Для аргументации данной позиции Беркли прибегает к своим наработкам в области физиологической оптики, изложенным в уже упоминавшемся «Опыте новой теории зрения» (1709). Так, анализируя восприятие каких-либо объектов, он указывает, что величина и отдаленность не столько непосредственного воспринимаются нами, сколько скорее домысливаются исходя из предыдущего опыта. Следовательно, «мы не ощущаем вещей, имеющих определенную величину, форма и находящихся на определенном расстоянии, но скорее составляем их при помощи мышления или чувственных качеств. То, что обычно называют вещами, суть лишь комплексы представлений» [3, с. 334].

Согласно Локку, то, что мы воспринимаем как чувственные качества объектов, выступает всего лишь как выражение наших собственных ощущений. Если же мы в некоем мысленном эксперименте представим, что объекты в корне отличаются от наших представлений о них, то мы перейдем к довольно странной ситуации. Если мы возьмем какой-либо плод (например, яблоко) и устраним все его вторичные качества (форму, цвет, вкус и т. д.), то, что останется в нашем восприятии? В ответе на этот вопрос и видно главное различие в гносеологических позициях Беркли и Локка. «Ответ Локка был нерешителен: в одном случае он говорил, что остается определенная пространственно-протяженная величина, в другом ссылаясь на неизвестную субстанцию как носителя всех свойств» [3, с. 335]. Беркли же в своей позиции более радикален. Исходя из принципов номиналистического сенсуализма, Беркли стремится отойти как от пространственных свойств объектов, так и от субстанциональности. Пространственные свойства, с точки зрения Беркли, выступают всего лишь в качестве неких абстракций, которые невозможно мыслить без чувственных качеств, неизвестная же субстанция выступает вообще как нечто абсурдное. Следовательно, то, что во внешнем мире воспринимается как существующее является лишь конгломератом наших представлений, а отсюда и вытекает уже упоминавшийся принцип «esse – percipi» («быть – значит быть в восприятии»).

Указанный принцип Беркли применяет к разрешению вопроса о сущности природы и к проблемам её познания. Так, если все объекты являются лишь комплексами идей (нашими представлениями), то каким образом в природе можно проследить такой фундаментальный принцип как причинно-следственную связь? По мнению Беркли, «нет ничего более ложного, чем механическое объяснение природы, задающееся целью объяснить движения одних тел из движения других» [3, с.338]. Следовательно, причинно-следственная связь в интерпретации Беркли является некоей видимостью, так как изменения выступают всего лишь как последовательный ряд субъективных представлений.

Необходимо заметить, что проблема причинно-следственной связи возникала во многих философских системах и несла отражение различных понятийных схем. Например, во «Второй аналитике» Аристотеля указывается, что мы обладаем знанием о вещи только тогда, когда постигли её причину. «Нельзя иметь о чем-нибудь знание посредством доказательства, если не знают непосредственных начал» [1, с. 425].

В период Средневековья в работах Ангельского доктора философии Фомы Аквинского проблема причинности рассматривается, основываясь на теологических началах. Так, в доказательствах бытия Бога, исходя из наличия иерархического ряда действующих причин, автор «Суммы теологии» приходит к выводу о необходимом существовании первичной известной причины, в качестве которой и выступает Бог. Именно так возникает импульс перводвижения, закладывается иерархия действующих причин и устанавливается цель и назначение всех процессов. Следовательно,

«если не существует ничем не обусловленной высшей причины, то невозможно объяснить существование и деятельность какой бы то ни было вторичной причины» [6, с. 275].

Поворот в сторону поиска методологических оснований в науке периода Нового времени, так же отразился на понимании сущности причинно-следственной связи. Представители эмпиризма и рационализма расходились в своих интерпретациях природы причинности. Так, эмпирики рассматривали только события и закономерности, но сама причинно-следственная связь выступала в этой системе лишь как определенное предположение. Обратимся к работам одного из виднейших представителей эмпиризма и скептицизма Дэвида Юма (1711 – 1776). В своем «Трактате о человеческой природе» (1739) он указывал: «Делая из причин вывод о действиях, мы должны установить существование этих причин, а это мы можем сделать лишь двумя способами: либо с помощью непосредственного восприятия нашей памятью, либо с помощью вывода из других причин» [11, с. 139]. Возникает вопрос: можем ли мы понять природу причинности, если она не содержит компонент, основанный на эмпирическом знании? Позиция Юма характеризуется частично психологическими аспектами. Благодаря повторяемости событий, у воспринимающего субъекта формируются определенные ожидания, согласно которым подобные события в будущем так же будут развиваться по аналогичной схеме. Следовательно, подобные ожидания и формируют в человеческом сознании идею существования причинных взаимосвязей.

Позиция же рационалистов базировалась на иных фундаментальных гносеологических принципах. Например, в работах Декарта причинно-следственная связь непосредственно связана с логическим основанием и выводом и выступает как вариации видоизменения такой фундаментальной (и, критикуемой Беркли) категории как материя. В «Первоначалах философии» он указывал: «Все свойства, отчетливо воспринимаемые в материи, сводится к тому, что она делима и подвижна в своих частях и способна принимать различные состояния, которые могут вытекать из движения её частей» [4, с. 181]. Беркли же, в своих исследованиях относительно причинно-следственной связи занимает религиозную позицию (что не удивительно для епископа) и исходит из того, что причиной всех событий, порождающих комплексы переживаний и ощущений, выступает акт сверхъестественной воли. Базируясь на утверждении, что все тела выступают лишь как комплексы идей и переживаний, Беркли приходит к тому, что они не могут находиться в причинном отношении между собой, но каждое из них, со всеми изменениями, которыми подвергаются объекты со временем, может вести свое происхождение только из божественного провидения. «Причинность вещей является только видимостью; в действительности ход телесных движений есть лишь последовательный ряд представлений, которые Божество порождает в себе и сообщает в виде восприятий» [3, с. 338]. Таким образом, причинно-следственная связь в философии Беркли выступает уже не как механистическое явление, не как жесткая связь между антецедентом и консеквентом, а как телеологическая категория, «побуждающая человека искать в обычном порядке представлений, данных Богом, цели, которые Он при этом преследовал» [3, с. 339].

Стоит обратиться к анализу позиции Беркли с точки зрения критики универсалий. Согласно позиции номинализма, мы можем воспринимать только единичные предметы, но не как ни абстрактные категории. Так, говоря о такой геометрической фигуре как треугольник, мы можем вообразить только какой-то конкретный треугольник с его характерными конкретными признаками (например, равнобедренный треугольник, изображенный в учебнике геометрии). Представить же треугольник как некую абстракцию (как общую идею) человеческий разум не в состоянии. Так или иначе, в его конструировании необходим конкретный объект и конкретные свойства. Следовательно, общие идеи – не более чем существующие в языке термины, не обладающие конкретностью. Они помогают создавать некие смысловые категории, но не обладают реальной наполненностью. Беркли отмечал: «Многие люди ошибаются насчет общих и абстрактных терминов... Частично эти термины происходят из общераспространенной привычки сокращать речь, а частично они вымышлены философами ради дидактических целей не потому, что они соответствуют природе вещей, но потому, что они оказались полезными для сохранения выработанных мнений» [2, с. 331]. Подобной категорией и выступает категория «материя». Фактически мы, в процессе восприятия, имеем дело только с субъективными ощущениями от качеств какого-либо единичного объекта, за которыми никакие общие универсальные категории не наблюдаются.

Именно в данной позиции и создаются базовые основы для формирования основ идеи искусственных представлений о реальности. Так, анализируя работы такого видного фантаста и философа как Станислав Лем, связанных с проблемой фантоматики (термин, введенный Лемом в работе «Сумма технологии» [7], для обозначения систем, генерирующих искусственную реальность), мы можем встретить положения в точности совпадающие с идеями Беркли. Лем исходит из того, что

искусственное генерирование субъективных ощущений может полностью заменить собой идею о материальном мире, представление о котором так же базируется на анализе субъективных ощущений. Кроме того, развитие технологий может достичь такого уровня, при котором исчезнут критерии различия между объективной реальностью и искусственными представлениями. «Фантоматика исключает саму возможность существования теста, позволяющего иллюзию отделить от реальности... Если в цивилизации, в которой получила развитие такая техника, кто-то засомневается в аутентичности своих ощущений, если в нем зародится подозрение что он был отключен от реального мира, то нет никакого способа доказать, что это не так» [8, с. 216]. Таким образом, из идеи Беркли о взаимосвязи существования и восприятия возникают целые цивилизации, базирующиеся на технологии искусственно сформированной реальности. Кроме того, берклианские принципы в качестве основ построения своих произведений указывали такие писатели как Филипп Дик («Убик», «Трансмиграция Тимоти Арчера») и Лино Альдани («Онирофильмы»).

Конечно же, епископа Беркли нельзя в полной мере назвать отцом-основателем концепции искусственной реальности, но его работы (в особенности, касающиеся критического и отчасти парадоксального переосмысления категории «материальный мир») заложили плодотворную гносеологическую основу для формирования и дальнейшего развития данной идеи.

Список литературы

1. Аристотель. Аналитики / Аристотель. – Мн.: Современное слово, 1998. – 448с.
2. Беркли, Дж. Сочинения / Джордж Беркли. – М.: «Мысль», 2000. – 560 с.
3. Виндельбанд, В. История новой философии в её связи с общей культурой и отдельными науками. Т.1. От Возрождения до Просвещения / Вильгельм Виндельбанд. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2000. – 640 с.
4. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Рене Декарт. – М.: Академический Проект, 2014. – 322 с.
5. История философии: Запад – Россия – Восток. Книга вторая. Философия XV – XIX вв./ Под ред. Н. В. Моторшиловой. – М.: Академический Проект, 2012. – 485 с.
6. Коплстон, Ф. История философии. Средние века / Фредерик Коплстон. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 494 с.
7. Лем, С. Сумма технологии / Станислав Лем. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 668 с.
8. Лем, С. Фантастика и футурология. Кн.1 / Станислав Лем. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 591 с.
9. Рассел, Б. История западной философии / Бертран Рассел. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2002. – 992 с.
10. Скирбек, Г. История философии / Густав Скирбек, Нилс Гилье. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2001. – 800с.
11. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Давид Юм. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 720 с.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024

Tkachenko R. V. *George Berkeley Idealism. A Precursor to the Virtual Reality Concept*

The paper explores ontological and epistemological aspects of George Berkeley's philosophy through the prism of fundamental postulates of nominalism. It goes on to analyze the concept of visual perception and its dependence on primary and secondary qualities of perceived objects, as well as a range of issues related to the problem of interpretation of rudimentary philosophical categories (i.e., matter, perception) in terms of British empiricism. Further on, the paper attempts a comparative analysis of a variety of philosophical approaches to the cognitive problem of the cause-and-effect relationship.

Keywords: subjective idealism, nominalism, matter, empiricism, rationalism, accident, universals, virtual reality, fantomatics

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.8:[33.012:330.82]

В современных условиях международных отношений политика изоляционизма, в которой нас снова обвиняет коллективный Запад, не определяет цивилизационный выбор России. Какая модель общественного развития приемлема сегодня для всей остальной части мира, противостоящей странам «золотого миллиарда» и готовых бороться за многополярный мир, создавая региональные блоки и союзы, чтобы отстаивать общенациональные интересы своих народов, интересы национальных хозяйств?! В контексте историко-философского анализа современного экономического развития будет логичной постановка следующего вопроса: способна ли мировая система хозяйствования уважать и развивать личность человека как непосредственного производителя и вообще - способна ли она обеспечить нормальные условия для гуманизации труда и воспроизводства рабочей силы?

Ключевые слова: либеральная модель, антисистема, современные хозяйственные системы, экономическая динамика, технический ресурс, десистематизация экономики, некапиталистические уклады традиционного восточного общества, концепция социального дуализма, теория «восточных обществ», нелиберальная глобализация.

С. Л. Данильченко, профессор, д-р ист. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: sldistorik@bk.ru

АНТИСИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

По мнению ведущих российских ученых, либеральная модель изначально является антисистемной. Поясняя этот тезис, профессор МГУ С. П. Макаров указывает на «антропологическую замкнутость» современных хозяйственных систем, экономическая динамика которых измеряется в показателях наживы и потребительства, а природа превращается в технический ресурс. В результате, происходящая «деградация природы, оскудение заставляет людей наращивать свою узкую экономическую системность, выполняя необходимое условие выживания... происходит ускорение общеприродной десистематизации экономики, мирового хозяйствования» [4, с.109].

Одновременно происходит формирование экономических антисистем, имеющих искусственный характер, обусловленный антисистемностью либерализма. По мнению С. П. Макарова, в их основе лежит не только и не столько антиприродная направленность, сколько социокультурная противоположность либеральной хозяйственной системы и некапиталистических укладов традиционного восточного общества.

Этим вопросом серьезно заинтересовались в 50-х годах прошлого столетия западные ученые-экономисты, исследовавшие проблему экономической отсталости традиционного общества, а также его социально-экономической совместимости с капиталистическим укладом. В результате этих исследований была выдвинута концепция социального дуализма, указавшая на чужеродный и анклавный характер деятельности иностранного капитала в азиатских странах с традиционной экономикой.

Основоположником концепции социального дуализма является американский ученый Дж. Х. Бэке [12]. В своих работах Бэке, опираясь на исследования, проведенные им в Индонезии, изложил теорию «восточных обществ».

Тезисы этой концепции можно суммировать следующим образом:

1. «Социальный дуализм представляет собой столкновение импортированной социальной системы с местной социальной системой, имеющей иной характер», – подчеркивает автор, имея в виду импорт развитого капитализма.
2. Докапиталистический сектор традиционного общества Востока имеет следующие черты, несовместимые с капитализмом:

- а) «ограниченные потребности» у населения, в противовес «неограниченным потребностям» западного общества;
- б) «регрессивные кривые инициативности» и готовности рисковать;
- в) почти полное отсутствие стремления к получению прибылей (за исключением спекуляции);
- г) «отрицательное отношение к капиталу», то есть «сознательная антипатия к инвестированию капитала»;
- д) отсутствие мобильности рабочей силы и абсентеизм кадровых рабочих;
- е) «фатализм и покорность судьбе»;
- ж) отсутствие деловых качеств.

В силу того, что традиционное «общество сохраняет свой однородный характер» и представляет собой устойчивую формацию, импортирование капиталистической системы Запада в докапиталистические аграрные общества Востока приводит к «известной дезинтеграции».

Этот процесс, по его мнению, способствовал упадку и разложению восточного общества. «Контраст между ними носит слишком всеобъемлющий характер, он слишком глубок. Нам придётся признать дуализм как печальную действительность» [13].

Поскольку дезинтеграция вызывала лишь нарушения нормальных условий функционирования докапиталистического общества, Бэке приходит к выводу, что «проникновение западного капитализма оказалось бесполезным и бесплодным». Усилия, направленные на ускорение капиталистического развития восточного общества, на достижение значительного прогресса и коренного изменения социальных реакций, также оказались тщетными. Он считает: «Не может быть и речи об адаптации восточного промышленника к западному образцу в техническом, экономическом и социальном отношении» [12].

Поскольку эти два типа общественных отношений имеют диаметрально противоположный характер и «ни один из них не становится всеобщим и характерным для этого общества в целом», то, «как правило, невозможно проводить единую политику во всей стране... и то, что приставляется благоприятным для одной части общества, может оказаться вредным, пагубным для другой».

Бэке абсолютно прав, подчеркивая, что законы западной экономики абсолютно неприменимы к странам Востока: «каждая социальная система имеет свою собственную экономическую теорию» [12].

Весьма примечательно, что почти одновременно с американским ученым к такому же выводу приходит в 1958 году и Сельсо Фуртадо, бразильский экономист и политик, ученый с мировым именем. Экономическое развитие определяется социологическими факторами, которые нельзя объяснить с экономической точки зрения, – справедливо утверждал он, делая следующий важный вывод: «Теория экономического развития в ее общей форме не подпадает под категории экономического анализа... Экономический анализ не может выявить причины, по которым любое общество начинает развиваться, и показать, какими социальными явлениями вызывается этот процесс» [14].

Дж. Х. Бэке и С. Фуртадо затронули в своих исследованиях реальную проблему социальной и культурной несовместимости западного капитализма с укладами традиционной экономики не только азиатских, но и латиноамериканских стран. К сожалению, в дальнейших теоретических спорах верх одержали либеральные концепции экономико-технического дуализма, опровергавшие концепцию социального дуализма. Проблемы многоукладности, а также типологии и социально-экономической специфики стран Азии, Африки и Латинской Америки, объединенных в одну условную группу развивающихся стран («Третий мир»), активно разрабатывались советскими учеными, начиная с 1960-х годов. Однако в большинстве работ превалировал экономико-технический подход, практически исключавший из анализа проблему столкновения двух несовместимых культур [8].

Для чего нам понадобилось вспоминать о концепции семидесятилетней давности, к тому же разработанной никому неизвестным сегодня американским ученым Дж. Х. Бэке? Дело в том, что Россия является крестьянской страной, и она уже дважды за прошедшее столетие переживала болезненный процесс столкновения импортированной социальной системы с местной социальной системой, имеющей иной характер. Но опыт России является лишь частью мирового опыта, накопленного всеми крестьянскими странами. И нам принципиально важно увидеть здесь проявление общих закономерностей взаимодействия западного капитала с национальными хозяйствами вообще всех незападных стран, частью которых являются страны так называемого «третьего мира».

В основе экономической антисистемы лежит абстрактная модель свободной рыночной экономики. Очень наглядным примером такой экономической антисистемы является действовавшая в России в 1990-ые годы либеральная модель национального хозяйства. Из своей практики мы уже знаем, что экономическая система строится на абстрактных элементах абсолютного экономического либерализма Адама Смита – «абсолютное господство частной буржуазной собственности», «абсолютное

государственное невмешательство», «абсолютная свобода хозяйствования», «экономический человек», «невидимая рука рынка», «абсолютный приоритет частного индивидуума над обществом».

Все эти либеральные элементы в совокупности подрывают любое государство и уничтожают все общество в целом. С. П. Макаров очень точно указывает на суть антисистемы: «В отличие от обычной – экономической системы, действующей в той или иной стране, позволяющей привести в движение хозяйственные ресурсы в интересах данной же страны, экономическая антисистема направлена на ликвидацию национального хозяйства вообще. Она предстает как особый способ борьбы с конкурентом, как совокупность мер экономической зачистки некой хозяйственной территории ради дальнейшего ее использования, но уже в интересах другой экономической системы» [4, с.109].

В постсоветской России деструктивное содержание экономической антисистемы прикрывалось рассуждениями о некой «переходной экономике». Однако принципиально важно подчеркнуть в этой связи, что, провозглашая курс на формирование рыночной экономики, она создает систему квазирынка, антирынка, антиэкономики. Антисистема доводит принципы либерализма до состояния абсолютного логического абсурда, превращая их в принципы социального анархизма. Провозглашая на словах строительство свободного рынка, такая модель гарантирует абсолютные свободы, но только лишь для тех «собственников», кто уничтожает государственную собственность, а также собственность общества (общенародную собственность) на все природные ресурсы. Одновременно такая модель лишает свободы хозяйствования всех мелких собственников, а также национальных товаропроизводителей. Рабочие как непосредственные производители в этой «рыночной модели» вновь превращаются в низшую «расу рабочих», лишенных каких-либо реальных прав.

С. П. Макаров подчеркивает: «Она десистематизирует, а затем и просто устраняет все основополагающие устои рыночного хозяйствования: формирование стоимости, отношения купли-продажи, денежное обращение, макроэкономическое рыночное равновесие, циклический характер движения макроэкономики. В основе названных явлений лежит спровоцированная антисистемой глубинные, основные процессы экономического слома: дискредитация труда, подмена его кипучей псевдоэкономической деятельностью; деиндустриализация; свертывание фундаментальной и прикладной науки; исчезновение дееспособной социальной сферы; формирование абсолютно избыточного населения (массовое перенаселение); потеря экономической, территориальной, этнической безопасности» [4, с. 111-112].

Такая экономическая антисистема «выступает как внутренне упорядоченная антиэкономика, организованное антихозяйствование», являясь, по сути, особым видом информационного оружия, используемое для ликвидации национального хозяйства любой страны. Именно такое концептуальное оружие используется Западом в его тотальной войне против современной России. «Смысл операции по созданию экономической антисистемы состоит в формировании внутри страны-конкурента экономического монстра, функцией которого является уничтожение ее экономики, а значит, и самой страны в целом» [4, с. 110].

Автор особо подчеркивает: «Антисистема административна по самой своей природе. Она нуждается в администрировании, в силовых методах, вообще, без них она не дееспособна. Экономическая антисистема паразитирует на существующей экономической системе. По сути дела, во время действия антисистемы складывается своеобразное экономическое двоевластие. При этом идет борьба, строго говоря, не между системой и антисистемой, а между системами, в которой антисистема выступает в качестве средства борьбы, орудия внешнего экономического вторжения». Примером такого орудия являются в России либеральные министры, функционирующие как движущая сила антисистемы, как действующее «орудие внешнего экономического вторжения» [4, с. 111].

Правительство Российской Федерации на протяжении двух десятилетий в своей повседневной деятельности исходило из того, что «вмешательство государства в экономику отдаляет нас от главной задачи создания эффективной экономики». Это официальная позиция бывшего министра экономического развития и торговли (МЭРТ) Германа Грефа. Этот тезис содержится в программе экономического развития страны на 2005-2008 гг.

Итак, модель западного капитализма, просуществовавшая почти 500 лет, обнаружила свою несостоятельность, потерпев сокрушительное банкротство. В итоге, на смену однополярному миру по-американски приходит многополярный мир, утверждающий себя в яростном противоборстве с американским финансовым ультраимпериализмом.

США обеспечивали себе рост благосостояния, печатая «липовые», ничем не обеспеченные доллары, при этом себестоимость одной 100-долларой купюры составляет всего около 10 центов, а норма прибыли (рентабельность) такого «бумажного производства» близка к 100 000 %. США

постоянно увеличивали отчетность своих компаний, манипулируя с цифрами, чтобы показать, якобы, рост стоимости своих компаний, а значит, рост стоимости их акций, прибылей и раздутого ВВП.

Это американцы придумали систему национальных счетов (СНС), навязав её всему миру, так как она максимально запутывает всю систему международного и национального счетоводства, не позволяя подсчитать реальный ВВП. И это понятно становится только тогда, когда мы понимаем, что вся система СНС основана на бухгалтерских принципах:

а) что в бухгалтерии существует свыше 20 парадоксов, когда прибыль в отчетности показывается, а в реальности её нет;

б) что в бухгалтерии проданным является то, что «реализовано», т. е. вышло за рамки завода, образуя дебиторскую задолженность компании.

В результате манипуляций с отчетностью, с ценами на ценные бумаги, которые, по словам финансиста Дж. Сороса, являются все искажёнными – завышенными; манипуляций с банковскими ставками и кредитными спредами; «ножницами цен» на сырьё, вывозимое метрополиями из бывших колоний и всех ныне зависимых стран, – США получают огромную финансовую ренту, в которую входит и эмиссионный доход от монопольного печатания американского доллара, навязанного большинству стран мира в качестве обязательной резервной валюты.

В итоге, США потребляют 40% мирового производства, а производят только – 20%.

Вот и судите, какая модель общественного развития приемлема сегодня для всей остальной части мира, противостоящих странам «золотого миллиарда» и готовых бороться за многополярный мир, создавая региональные блоки и союзы, чтобы отстаивать общенациональные интересы своих народов, интересы национальных хозяйств?!

В современных условиях международных отношений политика изоляционизма, в которой нас снова обвиняет коллективный Запад, не определяет цивилизационный выбор России. Но мы не забываем и тезис о том, что у России нет союзников, кроме армии и флота. Понятие союзников в современной международной политике вообще является весьма и весьма относительным. Вчерашние союзники могут в одночасье превратиться в ярых врагов. Национальные интересы России сегодня заключаются в создании многополярного мира, где Россия будет занимать достойное место. Для России важна историческая перспектива, включающая в себя геостратегические и геоэкономические связи не только со странами СНГ, но и со всеми странами, готовыми не только к блоковому, но и к цивилизационному сотрудничеству с нашей страной [2].

Сегодня во всем мире речь идет о выборе стратегической модели общественного устройства.

Либеральная модель потерпела в России сокрушительный крах, обрушив экономику и жизненный уровень населения. Однако либеральные политики и ученые продолжают упорствовать, пуская в ход идеологические мифы о «постиндустриальном обществе» и о «свободной рыночной экономике», которая, дескать, является моделью развития всех передовых стран мира.

В действительности же всему миру, включая и страны СНГ, навязывается неолиберальная модель американского капитализма, обанкротившаяся в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008-2011 годов. Рассуждая о современном мироустройстве, необходимо принимать во внимание, разумеется, не эмоции, а следующие принципиальные обстоятельства. Во-первых, рыночная экономика порождает отчуждение непосредственных производителей от условий, средств и продуктов своего труда. Вся западная социал-демократия стремится преодолеть данный порок капитализма, имманентно присущий ему, развивая в этих целях с середины 1960-х гг. экономические реформы, направленные на развитие производственной демократии, а «мы», отказываясь от советского наследия, отказываемся также и от богатого наследия западной социал-демократии.

Характеризуя формы социал-демократического устройства общества, стремящегося преодолеть отчуждение, Э. Фромм называл их «коммунитарным социализмом». Он подчеркивал, что цель всех этих форм социализма «состояла в создании такой организации промышленности, в которой каждый работающий индивид был бы ее активным и ответственным участником, где работа была бы привлекательной и осмысленной, где не капитал бы нанимал труд, труд - капитал. Он также указывал на то, что пока люди в процессе труда не ощущают себя членами самоуправляющейся общины рабочих, они, по сути, остаются рабами, при какой бы политической системе они ни жили.

Во-вторых, рыночная экономика разрушает личность. Так, например, преподаватели Швейцарского университета, граждане Германии и Люксембурга Герхард Ломан и Ги Кирш, являясь сторонниками рынка и представителями самых благополучных в материальном отношении стран, в своих докладах на федеральном семинаре Московской школы политических исследований утверждали, что «рыночная экономика не работает при слишком большом внимании к личности.

Индивид, становясь частью спроса, не может быть уникален. Либеральная экономика вообще не в состоянии решать подобные проблемы» [6].

Эти проблемы подробно исследованы в работах Э. Фромма [9], Герберта Маркузе [5] и других представителей Франкфуртского института социологических исследований (М. Хоркхаймера и Г. В. Адорно). Маркузе характеризовал западное общество как «одномерное общество», в котором все люди наделены одинаковым «одномерным мышлением». Такое общество он считал репрессивным обществом: оно порождает одномерного человека, а подавляемый человек воспроизводит отношения принуждения. Либеральное общество закономерно воспроизводит человека с рыночным характером [11, с. 152-158].

Заслуга Фромма, а также Маркузе, Хоркхаймера и Адорно заключается, прежде всего, в том, что они исследовали неразрывную связь либерализма с авторитаризмом и тоталитаризмом, характеризуя типичного западного человека как авторитарную личность, обладающую тоталитарным характером. Именно они указали на однотипность социального характера Лютера, Кальвина и Гитлера [1, с.276-282].

Вслед за Фрейдом Фромм ставил вопрос о патологическом извращении сути общества на Западе. Говоря о болезненных проявлениях западного общества, Фромм констатирует, что речь идет о «патологии нормальности», т.е. о патологии, возведенной обществом в ранг всеобщей нормы. Изменения в сфере собственности быть осуществлены в той степени, в какой они необходимы, чтобы создать трудовую общность и помешать тому, чтобы стимул прибыли толкал производство в социально вредном направлении. Доходы должны быть уравнены до такой степени, чтобы дать каждому материальную базу для достойного существования и тем самым не допустить, чтобы экономические различия обусловили совершенно непохожее восприятие жизни для различных социальных классов. Человеку необходимо вернуть его верховенство в обществе, он никогда не должен быть средством, вещью, используемой другими или им самим. С использованием человека человеком должно быть покончено, экономика должна служить только развитию человека, капитал - труду, а вещи - жизни» [10, с.145, 450-451].

Яркими примерами этого являются современные МРОТ и зарплаты всех бюджетных работников, стипендии, ежемесячные пособия на рожденного ребенка и т. д. Наше общество, безусловно, является больным, ненормальным. Но не следует забывать, что оно является всего лишь слепком с т.н. «нормального» западного общества.

В-третьих, происходящая неолиберальная глобализация в социальном смысле означает движение в обратном направлении: она возвращает западный мир к социальным антагонизмам, характерным для индустриального капитализма, который был основан на жестком отчуждении работника от условий, средств и продуктов своего труда.

В странах Запады уходит в прошлое так называемая экономика партнерства 1960-70-х гг., которую французский социолог Ф. Перру удачно назвал экономикой солидарности [7, с. 96]. Она предполагала разностороннее участие персонала компании в прибылях, акционерном капитале и, частично, на микроуровне, в управлении. Этот тип экономики сложился на Западе в 1960-70-х гг., но не только и не столько в результате стабильного экономического роста тех лет, сколько под влиянием идеологического противостояния с мировой системой социализма и, прежде всего с СССР.

Копируя американскую модель «постиндустриальной» рыночной экономики, мы обрекаем наш народ на систему скрытого рабства, при которой рост производительности и корпоративной эффективности будет достигаться при помощи увольнений и экономии на оплате труда.

В этом, кстати, и заключается суть индустриального капитализма, к которому стремится вернуть западное общество глобальный союз неолиберальных политиков и горстки международной финансовой олигархии.

В-четвертых, неолиберальная глобализация возвращает западный мир не к эпохе индустриального капитализма: движение в обратном направлении в действительности является чудовишной регрессией – возврат к эпохе меркантилизма.

К началу XXI века западный капитализм превратился в глобальную торгово-финансовую систему, нацеленную на производство денег и денежных ценностей, как таковых. В этом, собственно, и заключается суть меркантилизма.

В странах Запады стремительно развивается процесс деиндустриализации – многие крупные компании переносят целые заводы в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, Африки или Латинской Америки.

Главным критерием является дешевизна рабочей силы. Одновременно значительная часть капиталов западных ТНК вкладывается в спекулятивно-денежный оборот.

Таким образом, мировая система хозяйствования не способна обеспечить нормальные условия для воспроизводства рабочей силы. Данный вывод подтверждается не только экономической теорией, но также и практикой хозяйственного развития современной России.

Суть капитализма остается неизменной. В. Л. Иноземцев¹ констатирует [3, с. 444, 446, 449, 450, 451], что резкий прорыв на пути формирования основ нового, постэкономического общества сопровождается его поляризацией – как в аспекте нового классового противостояния, возникающего между людьми различных ценностных ориентаций и разного интеллектуального уровня, так и в аспекте имущественного расслоения, приближающегося к опасной для социальной стабильности черте. Оказывается, что попытки сгладить эти противоречия или справиться ситуацию в области распределения доходов неизбежно приводят к снижению темпов хозяйственного развития, что ухудшает положение нации на международной арене.

В результате через некоторое время западные державы неизбежно вновь встанут перед выбором между технологическим и хозяйственным ростом и социальной стабильностью. Автор признает, что становление постэкономического общества одновременно приводит как к ухудшению материального положения, так и к росту болезненного самосознания особо отчужденного класса. Сегодня мы не видим в механизме развития постэкономического общества реальных средств преодоления возникающего классового конфликта, поэтому нарастающее неравенство в распределении общественного богатства представляет собой одну из самых характерных тенденций современности.

Список литературы

1. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуал. пробл. вебер. социол. учения / Ю. Н. Давыдов. – Москва: Мартис, 1998. – 509 с.
2. Данильченко, С. Л. Евразийская теория национального хозяйства: история и современность. Уфа: АЭТЕРНА, 2023. – 132 с.
3. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Постиндустр. теории и постэкон. тенденции соврем. мире / В.Л. Иноземцев. – Москва: Academia: Наука, 1998. – 639 с.
4. Макаров, С. П. Экономическая система и антисистема. Экономическая теория на пороге XXI века – 3 / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. – М.: Юрист, 2000. – 663 с.
5. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследования идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526 с.
6. Мацук, Т. Рынок понижает спрос на человеческую уникальность // Известия. 10.10.1998.
7. Российский экономический журнал. – 1998. – № 2.
8. Тюльпанов, С. И. Очерки политической экономии (Развивающиеся страны). М., 1969; Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы/ИМЭМО АН СССР. М., 1974;
9. Фромм, Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм; Пер. с англ. Г. Ф. Швейника; Общ. ред. и послесл. [с. 248-267] П. С. Гуревича. – Москва: Прогресс, 1990. – 269 с.;
10. Фромм, Э. Здоровое общество / Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. В. Банкетовой, С. В. Карпушиной]. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 446 с.
11. Фромм, Э. Иметь или быть? Пер. с англ. / Э. Фромм; Общ. ред. и послесл. В. И. Добренкова. – 2-е изд., доп. – Москва: Прогресс, 1990. – 330 с.
12. Boeke, J. H Economics and Economic Policy of Dual Societies. – New York, 1953.
13. Boeke, J. H. Three Forms of Desintegration in Dual Societies. – New York, 1953.
14. Furtado, C. Capital Formation and Economic Development / The Economics of Underdevelopment. Ed. by A. N. Agarwala and S.P. Singh. – Oxford University Press, 1958.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024

¹ Признан иноагентом в РФ.

Danilchenko, S. L. *Anti-System Character of Market Economy: Historical and Philosophical Analysis*

In modern conditions of international relations, the policy of isolationism - of which the collective West accuses Russia - does not determine Russia's civilizational choice. It poses a question - what model of social development is acceptable today for the rest of the world opposed to the countries of the "golden billion" and ready to fight for a multipolar world creating regional blocs and alliances in order to defend their national and economic interests? Is the global economic system capable of respecting and developing an individual as a direct producer and, in general, is it capable of providing normal conditions for the humanization of labor and the reproduction of the labor force?

Keywords: liberal model, anti-system, modern economic systems, economic dynamics, technical resource, desystematization of the economy, non-capitalist structures of traditional Eastern society, the concept of social dualism, the theory of "Eastern societies", illiberal globalization.

УДК 001.3:165.63

В статье с философских позиций характеризуется процесс интеллектуализации. Определяются источники интеллектуальной энергии, условия реализации интеллектуального потенциала, а также содержание, формы и уровни интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: интеллектуализация, интеллектуальная деятельность, интеллект.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: lenash_72@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Проблеме интеллекта человека и организации сегодня уделяется достаточно большое внимание. Однако спецификой проблематики является то, что интеллектуализация труда и производства рассматриваются в узком понимании, то есть, как способ мягкого управления, целью которого является, как вариант, стремление максимально задействовать духовность рабочей силы, или получить максимальную прибыль от интеллектуальных ресурсов, которыми распоряжается организация (даже не производство).

К исследованию процесса интеллектуализации обращаются для решения конкретных проблем. Например, педагогами внимание уделяется:

- интеллекту как психолого-педагогической категории;
- интеллектуальной культуре в обучении и развитии;
- закономерностям интеллектуального развития личности;
- аспектам интеллектуальной деятельности как компонентам формирования интеллектуальной культуры;
- моделированию интеллектуально-развивающего обучения в системе профессиональной подготовки.

Внимание экономистов концентрируется на проблемах увеличения прибыли или эффективного использования интеллектуального капитала (ресурса, потенциала) в сфере производства. Менеджеры, в свою очередь, пытаются взять под контроль интеллектуальную составляющую производственной фирмы в результате внедрения концепции мягкого менеджмента как «управления знаниями», «управления социальным капиталом», «управления информационными ресурсами» и т. д. Приведенные категории, как правило, употребляют в качестве синонимов.

Целью данной статьи является социально-философский анализ процесса интеллектуализации. В качестве задач исследования могут быть определены содержание, формы и уровни процесса интеллектуализации. Социально-философский анализ применим для исследования вопроса природы и происхождения процесса интеллектуализации. Природа явления расположена в так называемом лоне Семантической Вселенной, а значит данный процесс имеет семантическую или информационную природу и квантово-волновое происхождение, обслуживаемое инструментами духовного качества. Далее определим основание и условия реализации явления, поскольку именно эти два фактора обуславливают бытие любого явления в условиях планетарной системы.

При анализе литературы, выдвигаем предположение, что основанием процесса интеллектуализации является естественный интеллект человека, вместе с тем появление искусственного человека и искусственного интеллекта возможно это изменит. Но владельцем интеллекта, интеллектуального ресурса, потенциала или капитала в планетарном пространстве пока остается только человек или его объединения в группы, коллективы или региональное, мировое сообщество.

Под условиями, формирующими процесс интеллектуализации, можно рассматривать: а) потребности биологического организма человека, как его субъективный фактор и б) требования внешней среды, ныне приобретающие форму планетарного социального организма, как его объективный фактор. Они отличаются только формой бытия согласно к тому материалу, в котором они онтологически реализованы, постоянно функционируют и спонтанно развиваются, находясь на разных уровнях планетарной структуры. Поднимется человек в Космос и начнет «фонтанировать» совсем в другую сторону эволюции, а такая возможность имеется, поскольку большая часть содержания его генома в настоящее время остается не задействована.

Планетарный мир имеет две сферы для самоосуществления процесса интеллектуализации: субъективную, в котором обитает биологический человек; объективную, которая занята обществом как

организационной формой жизнеустройства рода человеческого рода, и является образованием также вполне природного происхождения. Уже этим естественным фактом процесс интеллектуализации должен иметь, по форме происхождения и принадлежности, субъективированные и объективированные продукты.

Оценим интеллект человека как элемент его духовной жизни и осуществим краткий обзор подходов к пониманию данного явления. Рассмотрим понятие «интеллекта» в энциклопедических источниках. В соответствии со Словарем иностранных слов, интеллект (от лат. *intellectus* – чувствовать, понимать) заимствовано русским языком в первой трети XIX в. со значением «мыслительная способность», но не совсем ясно, из какого именно языка. В качестве возможных источников называют немецкий и французский языки, очень популярные в России в это время, а также английский. В философском словаре, интеллект (познание, понимание, рассудок) означает большую или меньшую способность решать проблемы, иными словами, возможность понимать новое и сложное, понятие для определения высшей познавательной способности мышления, которое принципиально отличается творческим, активным характером от пассивно чувственных форм познания. В Энциклопедическом словаре интеллект (познание, понимание, рассудок) трактуется как способность мышления, рационального познания; латинский перевод древнегреческого понятия *нус* («ум»), тождественный ему по смыслу. В Оксфордском толковом словаре по психологии указано, что первоначально этот термин относился исключительно к социальным мыслительным функциям человеческой психики в целом. В труде В. Толочка [6] приводится несколько иная интерпретация понятия, где интеллект характеризуется как способность, определяющая общую успешность адаптации человека к новым ситуациям посредством решения задач во внутреннем плане действия («в уме») при доминирующей роли сознания над бессознательным. Заметим, что интеллект – это система познавательных способностей индивида, проявляющихся в одаренности быстро и легко приобретать новые знания и умения, преодолевать неожиданные препятствия, находить выход из нестандартных ситуаций, глубоко понимать то, что происходит вокруг, в умении адаптироваться к сложной и меняющейся среде. При этом понимание интеллекта как общей умственной способности часто используется как обобщение поведенческих характеристик, связанных с успешной адаптацией к новым жизненным задачам. Следовательно, интеллект, как основание процесса интеллектуализации, обуславливает свойства интеллектуальной деятельности, сущностью которой является атрибутивное свойство мозга человека декодировать содержание информационного поля вселенной в научных знаниях.

Интеллектуальная деятельность может иметь на практике различные варианты проявления, также и психологи выделяют несколько модификаций интеллекта. Например, Г. Гарднер в книге «Фреймы разума: теория множественного интеллекта» (1983) [8] предложил теорию множественного интеллекта, где рассматривал интеллект как нечто большее, чем просто владение языками или знание математики, скорее, как способность, набор навыков, которые нам даются лучше всего.

По нашему представлению интеллект человека имеет материальную основу в виде нейронной сети, что составляет специфическую информационную структуру в ее биологическом теле. Фактически, интеллект является функциональным органом в биологическом организме человека. Целью функционирования интеллекта человека является, с одной стороны, обеспечение выживания рядового человека в планетарных условиях, в которых он оказалась в результате утверждения как вид живого разумного вещества, а с другой, если рассматривать с планетарного угла зрения, обеспечение ноогенеза, то есть распространение во времени и пространстве рода человеческого [4, с. 98].

Данные рассуждения важны, поскольку мы оперируем таким инструментом как интеллектуальная деятельность. У нас появляется инструмент реализации процесса интеллектуализации планетарного мира в пространственном измерении. Динамику данного процесса следует анализировать как целерациональную интеллектуальную деятельность человека, обладающего интеллектом и способным механизмами внутренней активности обогащать свой функционал [5, с. 397].

Далее воспроизводим атрибутивные свойства интеллекта как функционального органа, отражающиеся терминами «мышление», «ум», «способность» и «творчество» человека. И здесь важно обратить внимание на то, что интеллектуальная деятельность и творческая деятельность – это умственная деятельность, которая может выступать в двух формах, а именно: материальной и нематериальной. В первом случае, материально реализуемая через объекты интеллектуальной собственности, являющиеся приоритетом каждого государства в создании условий и механизмов их превращения в интеллектуальный капитал, который применяется в процессе экономического развития общества. Во втором – нематериально реализуемая, в силу наличия волевых усилий как личности, так

и национального сообщества в ряду актуальных моментов, составляющих базу общечеловеческого масштаба. Это означает, с одной стороны, что процесс интеллектуализации охватывает биологические структуры человека благодаря механизмам ее внутренней деятельности, или в порядке самостоятельной активности (например, мышления), а с другой – реализуется во внешней среде, то есть на уровне общества [3, с.118].

Под сущностью интеллектуального явления следует понимать его внутреннее содержание, проявляющее себя в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия. Поэтому под сущностью интеллектуальной деятельности, а соответственно, и процессом интеллектуализации, следует рассматривать материализацию духовного содержания Семантической Вселенной в элементах планетарного пространства [8].

При этом любая интеллектуальная активность человека или мирового сообщества, как природное явление, проявляется материально в социальном пространстве планеты и имеет два аспекта. С одной стороны, сопровождается порождением личности, как социального компонента в структуре биологического организма человека, а с другой – фиксирует себя в планетарном пространстве образованием специфической социальной структуры в форме того или иного типа общества как организационной формы жизнеустройства мирового сообщества.

Анализ «интеллектуального» подводит нас к выявлению его содержания. Содержание процесса интеллектуализации планетарного мира распадается на два сегменты, поскольку у нас есть момент внутренней материализации знаний в структуре биологического организма человека. Интеллектуализация обеспечивается механизмом мышления, являющегося проявлением интеллектуальной активности внутренних структур биологического организма человека. На этой основе биологический человек получает дополнительный орган или специфический продукт интеллектуализации, а именно – специфическое смысловое поле, что придает ему статус личности и тем самым обеспечивает автономное бытие в новой для него среде – планетарном мире. Следовательно, внешнего вмешательства в момент формирования личности человека нет, есть закономерный продукт модернизации своей природы под условия планетарного бытия.

В данном случае вызывает интерес откуда и как в структуре биологического организма человека возник, материализовался и постоянно функционирует «интеллект», благодаря которому он приобрел свойства личности. Это произошло благодаря тому, что в структуре биологического организма человека эволюционно сформировалась ее манифестирующая смысловая сфера атрибутивное свойство Семантической Вселенной – обрабатывать поток космического смыслогенеза. Вселенная наделила человека сознанием для того, чтобы он смог воспользоваться им как эффективным средством адаптации под новые условия жизни.

Продуктами целерациональной деятельности человека является общество, как тип организации жизнеустройства и его подсистем. На определенном этапе ведущая роль в обществе принадлежала сфере материального производства, а ныне переходит в сферу интеллектуального труда [2]. Динамика изменений в этой сфере определяется темпами развития материально-технического базиса общества, сопровождается ростом уровня квалификации рабочей силы, активности интеллекта мирового сообщества, науки, образования, культуры, появлением совокупности разного рода социальных теорий, изменениями в коллективном сознании и психологии поведения человека и мировоззрении.

Продукты интеллектуализации планетарного мира представлены в субъективной и объективированной форме. То, что возникает в структуре человека – субъективированная форма, которая существует в форме «тонкой» материи, а то, что находится на стороне общества – объективированная форма, продукт которой получает «грубую» форму. Иногда они рассматриваются как нематериальная и материальная формы.

Интеллектуальная деятельность также эволюционирует во времени и распространяется в планетарном пространстве, набирает силу, образует новые продукты в конструкции личности и в обществе. Ведущая роль не всегда принадлежит личности, на определенных этапах вперед выходит общество. Это обуславливается пульсацией интеллектуальных композиций, что характерно для всех живых систем [1].

Находясь в разных формах, интеллектуализированная продукция находится в тесной генетической, онтологической и функциональной взаимосвязи и интеллектуальном взаимодействии. Человек и общество естественным способом образуют целостность либо интеллектуальную систему [7, с. 325]. Все элементы интеллектуализированного производства, как в структуре личности человека, так и во внешней среде, являются продуктом умственного труда и находятся в разных формах. Это означает, что они обречены на интегративное взаимодействие, поскольку отвечают друг другу, но находятся на разных организационных уровнях Вселенной. Такое взаимодействие порождает

цивилизационные. организмы изменение которых будет рассматриваться нами в в дальнейшем, как этапы созревания процесса интеллектуализации планетарного мира.

На основе вышеизложенного относительно параметрических характеристик процесса интеллектуализации планетарного мира можно прийти к следующим заключениям:

– интеллект человека – это основание процесса интеллектуализации планетарного мира, а условия его формообразования находятся во внешней среде, где субъективную составляющую представляет человек, а объективированную – общество; природа процесса интеллектуализации планетарного мира имеет информационную характеристику, а информация, как субстанциональная основа Семантической Вселенной, составляет поток смыслогенеза, к которому подключается человек с помощью мозга с его нейронной сетью;

– сущность интеллектуальной деятельности заключается в материализации содержания смыслогенеза разделенного на две части планетарного мира: смысловую сферу личности и внешнюю среду как определенный тип общества;

– содержание интеллектуальной деятельности человека – двуединая совокупность подпроцессов духовного происхождения: в структуре личности материализуется системой функциональных органов, которые способствуют становлению личности; порождает определенный тип общества со своими элементами как форму организации жизнеустройства мирового сообщества в зависимости от уровня развития интеллекта человека; меняется состояние интеллекта в результате его эволюционного созревания – тогда приобретения процесса интеллектуализации становится артефактами культуры;

– уникальная роль процесса интеллектуализации, в первую очередь, основывается на действиях механизма возбуждения смысловых полей, обогащает биологический организм человека смысловым полем (благодаря ему он перерабатывает информацию в знания, присваивает и накапливает в качестве интеллектуального потенциала, ресурса или капитала), затем личность человека материализует в содержание социального мира знания, присвоенные на первом этапе;

– продукция интеллектуального процесса, находясь в субъективированной и объективированной формах, вступает в организационное взаимодействие и образует новую целостность – социальный организм цивилизаций;

– динамика интеллектуального процесса в эволюционном измерении может отслеживаться на основе перехода мирового сообщества от одного типа цивилизации к другому с усовершенствованием интеллектуального состояния человека и общества по определенным критериям и показателям.

Список литературы

1. Бескова, И. А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ) / И. А. Бескова. – М., 2001. – 268 с.
2. Беляева, О. В. Интеллектуализация образования современного общества. Знания: роль и перспективы / О. В. Беляева. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?id=644842> (дата обращения 08.09.2020).
3. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. – Красноярск: СФУ, 2018. – 293 с.
4. Еремин, А. Л. Ноогенез и теория интеллекта / А. Л. Еремин. – Краснодар: Советская Кубань, 2005. – 356 с.
5. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.
6. Толочек, В. А. Современная психология труда: глоссарий / В. А. Толочек. – СПб.: 2005. – 479 с.
7. Харари, Ю. Н. Sapiens. Короткая история человечества / Ю. Н. Харари. – Синдбад, 2016. – 512 с.
8. Gardner, H. Frames of mind: the theory of multiple intelligences / H. Gardner – New York: Basic Books, 1983. – 440 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024

Shavardova, E. Yu. *Intellectualization as a Process: Social and Philosophical Analysis*

The article characterizes the process of intellectualization from a philosophical position. The author determines sources of intellectual energy, conditions for the realization of intellectual potential, as well as the content, forms, and levels of intellectual activity.

Keywords: intellectualization, intellectual activity, intelligence.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск №29

2024

16+

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Отпечатано в издательстве СевГУ

РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;

299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Учредитель и издатель

ФГАОУ «Севастопольский государственный университет» ул. Университетская, 33.

Севастополь, 299053

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

№ рег. СМИ: ПИ №ФС77-64133 от 25.12.2015

Главный редактор: Максимова Елена Николаевна

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. Ю. Кентнер*

Подписано к печати 30.04.2024. Заказ № 5/2024 Дата выхода в свет: 3.06.2024

Тираж 30 экз. Цена: Бесплатно. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Объем усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,88.

Севастополь, 2024

* Философия * История *

* Политология *

